

Николай Москвич
ЛЕТО ЛЕТАЮЩИХ

НИКОЛАЙ МОСКВИН

Рисунки Ю. Лемкуля

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

*Жене и другу
Т. Н. Кваниной*

Москвин Н. Я.

M82   **Лето летающих: Повесть/Рис. Ф. Лемкуля.—**
Изд. 4-е.— М.: Дет. лит., 1985.— 143 с., ил.

В пер.: 35 к.

Действие повести происходит в годы зарождения отечественной авиации, юные герои ее, запускаящие пока в небо змея, мечтают о летных подвигах. Повесть овеяна чувством романтики, мечты, стремлением аэро служить своей родине.

М **4803010102—284**
М101(03)85   **316—85**

P2

Мы летели в открытом самолете. Перед собой, за прозрачным козырьком, я видел покатые плечи Константина Ивановича, его сильную, упругую шею и круглый затылок, обтянутый желтой кожей авиационного шлема.

Ветер рвал. Достаточно было вынести за козырек пол-ладони и дать мышцам свободу, как ветер, почти твердый на ощупь, отбрасывал назад всю руку. Он воевал и с козырьками — передним и задним, — которые защищали наши головы. Ветер бил по ним, как бы стараясь срубить, сгладить — как топор сглаживает сучки — все неровности на фюзеляже.

Мы шли над окраиной города, держась самого лучшего положения солнца — в хвост самолета. Внизу уже вытянулись вечерние тени, и одна улица, с поперечными тенями от деревьев, была как бы уложена темными шпалами.

И вот вдруг что-то замигало, заблестало под нами. Глаз сразу определил положение этого мигающего: не на земле, а между нами и землей — в воздухе.

Я взгляделся: оранжевый прямоугольник с перекрещенными белыми диагоналями и желтый, весело виляющий мочальный хвост...

Все было знакомо до мелочей — до язычка трещотки на верхнем наголовнике, до тонкой мочалки на самом кончике хвоста. Всё, кроме точки зрения: никогда в детстве, да и потом, я не видел летящего бумажного змея сверху, под собой...

Константин Иванович положил машину на вираж, и мы, снизясь, сделали круг вокруг этого оранжевого, с веселым хвостиком живчика. Тут я увидал нитку, идущую от змея к земле, невидимую, если бы не солнце, которое и паутинку выделяет. Но дальше, ниже, нитка терялась, и я только мысленно мог представить среди этих крошечных домов мальчишку, наверно обеспокоен-

ного близким соседством самолета: не чиркнул бы крылом или винтом по нитке...

Когда мы сели на аэродроме и можно было говорить, я сказал Константину о том, что его вираж вокруг бумажного летуна выглядел как «круг почета».

— Ну да! — тотчас отозвался он. — Вот именно! Ведь с этого у меня и началось. Помнишь нашу Николо-Завальскую?

1. ЗМЕЕВИКИ И ГОЛУБЯТНИКИ

Николо-Завальская улица была в Т — е, в городе нашего с Костей детства. Когда-то, в древние времена, тут проходил оборонный вал, позже в конце улицы построили церковь Николаю-угоднику — так и получилось: «Николо-Завальская». На этой улице мы жили и пускали бумажных змеев. Наши дворы были рядом. Через три двора от нас жили Лукьяновы — те гоняли голубей.

И на каждой улице, во всем городе так: тут гнездились змеевики, там — голубятники. Это было до революции, мы были еще мальчишками и потому никуда, кроме как на дачи или в недалекие школьные экскурсии, не ездили и не видали других городов, — может быть, там ребята занимались чем-нибудь другим. Но у нас в Т — е только или змеи или голуби.

Это можно было сказать, еще не въезжая в город.

...С юга или севера, с юго-востока или северо-запада подходил вечером поезд к Т — е, но уже

издали открывалась дорогая сердцу картина. Прежде всего появлялась колокольня церкви «Всех святых». Мало того, что она была высока, она еще стояла на горе и потому первой показывалась и последней пропадала из глаз.

Сначала, кроме колокольни, ничего не было видно. Но вот поезд ближе и ближе... И вдруг в чистом вечернем воздухе, освещенные закатным солнцем, показывались сотни бумажных змеев — белых, красных, синих, зеленых, желтых, — стоящих над городом. Одни — ниже, другие — выше; одни только запускаются и, набирая высоту, то виляют хвостом, то как бы садятся на него; другие, попав под струю ветра, уже расправились, напряглись, натянули нитку и сейчас ходко выбирают ее — только отпускай... А третьи змеи уже распущены на всю катушку и от высоты кажутся маленькими, недвижимыми, отрешенными от земли, уже как бы переселившимися насовсем туда, на небо... И трудно поверить, что где-то, на каком-то пыльном дворике или улице, стоит курносый хозяин, который может, если пожелает, тотчас же смотать нитку и вернуть этого переселенца на небо обратно под кровать.

Это «пускают». Но тут же и «гоняют». В том же чистом вечернем воздухе, освещенные тем же закатным солнцем, кружат голуби — кольцами, кольцами, словно оставляя в небе незримые венки. То стайка-кольцо, видимая с ребра и потому затененная, кажется синей; то, развернувшись, встав на ребро, показывая белые грудки и белые нежные подкрылья голубей, стайка-венчик вдруг вспыхивает розовым, закатным цветом...

Змеевики и голубятники жили между собою удивительно мирно, покойно, ибо друг друга не понимали. Одни не понимали, что интересного в подергивании нитки, на конце которой что-то болтается; другие — что интересного в круговращении птиц, когда сам стоишь без дела.

Но между собой и у змеевиков и у голубятников шла тайная и явная борьба. Даже у нас с Костей однажды из-за змея ссора была. Однако и змей же — к тому же еще и чужой — помирил нас. Но об этом еще будет время рассказать...

2. ГРАФИН СТАКАНЫЧ

Научил нас клеить змеев столяр-краснодеревщик Ефим Степанович.

Проходя мимо приземистого трактира Лукьянова, что был на углу Николо-Завальской и Воронежской улиц, мы часто видели в открытом окне Ефима Степановича, которому старик Лукьянов что-то наливал в стакан из мутного толстого графина. Столяр стоял перед прилавком в почтительной позе — несколько в отдалении, держа руки по швам, наклоня голову, — и ласково, неотрывно смотрел и на благодатный толстый графин, и на жидкость, льющуюся из него в граженный стаканчик...

Это случалось нам видеть довольно часто, и как-то само собой Ефим Степанович был переименован в «Графин Стаканыч».

После захода к Лукьянову столяр начинал кружить по близлежащим улицам и переулкам,

ища собеседников. В его состоянии простительно, конечно, было остановить любого и начать говорить с ним, но он выбирал только людей, без дела стоящих у ворот или сидящих у калиток.

Но и остановившись около них и сказав неизменное и обязательное «извиняюсь», Графин Стаканыч вступал в беседу лишь тогда, когда видел в улыбке, в слове расположение к себе. В таком случае, достойно поклонившись, он прислонялся к чему-нибудь устойчивому, прочному и с независимым видом начинал разговор, присвистывая на приставленных «с»:

— Извольте-с видеть-с, история эта тонкая, деликатная, так сказать-с, пунктирная...

Он знал много историй, но не все они были тогда нам понятны, интересны. Однако ту историю, которая познакомила нас с Графином Стаканычем, мы с Костей, конечно, запомнили.

Однажды в середине весны, когда Николо-Завальская уже подсыхала и наши бумажные кораблики, не успевшие уплыть с большой водой, сидели на мели, а на самих мелях уже пробивалась травка, Графин Стаканыч поманил нас.

Неизвестно, почему именно нас... Может быть, потому, что время было дневное, скамейки у калиток еще пустовали, а душа жаждала, требовала хоть каких-нибудь собеседников.

— Идите за мной! — строго сказал он.

И мы пошли. Обогнули Лукьянова и вышли на Воронежскую. На трактир столяр даже не взглянул — не то уже заходил сюда, не то не до него было...

Мы вошли в один из дворов и, пройдя сад с

белоногими, уже начавшими распускаться яблонями, остановились перед небольшим, но массивным домом с колоннами.

— Это генеральский!... — шепнул мне Костя, будто я сам этого не знал.

Костя — человек молчаливый, угрюмый, смотрящий исподлобья. Если он сейчас сказал: «Это генеральский», — то значило, что он удивлен. Удивлен, почему нас сюда привели.

Графин Стаканыч подвел нас к одному из окон и кивнул на него, приглашая посмотреть внутрь дома. Заглядывать в окна, как известно, всегда интересно, но также известно, что это нехорошо. Однако если взрослый дядя сам зовет, сам приглашает...

Все же мы не решились подойти: было еще одно «но». Мы знали, что генерал Кондратьев, который жил здесь, хотя и в отставке, но все же человек военный, сердитый и, наверно, с пистолетом в кармане. Мы вот с Костей — к окну, а он там из темноты, из-за шкафа, к-а-а-к ба-бахнет в нас!.. Не пожалеет и стекла...

— Подходите, раз говорю! — прикрикнул на нас столяр. — Не бойтесь. Они с Таисией Тихоновной почивают после завтрака.

Мы подошли, заглянули. Комната как комната... Никого нет... Ах, вот что! Влево на четырех высоких подножках стоял аквариум. Но какой! Не то что в игрушечном магазине Юдина: стеклянный ящичек с золотыми рыбками — и все. Нет, то была тяжелая зеленая глыба воды, обложенная толстыми стеклами. А рыбки! В солнечном луче они и вверх, и вниз, и в стороны — золотые, серебряные, огненные... Костя, словно

забыв про свою серьезность, не то вздохнул, не то присвистнул от восторга: вот это да!..

— Не туда смотрите! — Графин Стаканыч досадливо, больно прижав мне ухо, повернул мою, а потом и Костину голову. — Прямо глядите!

Прямо против окна у задней стены гостиной стояло четыре обитых темно-зеленым плюшем кресла. Одно из них было не то смешное, не то страшное — ножки его были наполовину укорочены. Будто кресло встало на колени...

— Ну, что-с? Полюбовались? — У столяра гневно поблескивали глаза. — Понравилось?..

3. КРЕСЛО-ЖАБА

И Графин Стаканыч рассказал о том, как сегодня утром генеральша Таисия Тихоновна позвала его, знаменитого краснодеревщика, и сказала, что ее кошка Мими за эту зиму так постарела, так ослабла, что уже не может вспрыгивать на кресла, на которых она так любит спать...

— Укороти-ка, голубчик Ефим Степанович, — сказала генеральша, — креслам ножки.

И вот он, старый дурак, в совершенно трезвом состоянии, но улещенный и совращенный смиренной просьбой генеральши, принялся за черное дело. И для кого? Для толстомордой Мимишки... Но когда отмахнул первому креслу ножки и увидел, что русский ампир, которому цены нет, превратил в жабу, он отказался калечить другие кресла. В сердцах он сказал генеральше:

— Я, матушка-барыня, краснодеревщик, а не

мясник-с! Тому что ни скажи — отрубит. А у нас, извиняюсь, совесть есть. Я за такую работу и никаких-с денег не возьму.

— Да как ты смеешь! — вскричала тут генеральша. — Раз я тебе говорю...

Графин Стаканыч здесь уж совсем рассерчал.

— Ну и что же, что говорите! — ответил он. — А придут вот сейчас с прогулки их превосходительство Леонид Алексеевич да и напустятся на меня-с... «Ты что, скажут, старый обалдуй, делаешь! Да как тебе совесть позволяет! Барыня, может, из-за своих Мимишек умом тронулась, а ты-то, друг ситный, бревно стоеросовое, чего смотрел? А еще краснодеревщик! А еще мастер!» Да и тут же меня прямым манером — по шее... И правильно сделают-с! Не обращай, подлец, ампир в жабу!

После этих слов Графин Стаканыч был генеральшей изгнан и, значит, лишился заработка в доме, где он его время от времени имел...

К вечеру, когда у калиток появились настоящие слушатели, Графин Стаканыч, побывав уже в заведении Лукьянова, не только охотно пересказывал эту утреннюю историю, но прибавлял и новое: генеральша, размахивая тяжелой, обсыпанной бриллиантами клюкой, гналась за ним; Мимишка хватала его за икры, а дворник Никита, подлюга, загораживал ему дорогу... Но он всех растолкал, разбросал и чудом спасся.

— Я еще до самого генерала дойду-с, — говорил он, пыжась и со значительным видом поднимая палец. — Они, конечно, будут на моей правоте... Не посмотрят, что это ихняя супруга.

И тут же, наклонив голову, начинал ехидновесело, но вместе с тем вежливо кому-то подмигивать — вероятно, отсутствующей генеральше. Но мы видели, что Графину Стаканычу было не весело...

— Уволить могут! — насупясь, сказал Костя, когда мы отошли от столяра.

Я понял, о чем он говорит. В прошлом году его отец, мастер Оружейного завода, был уволен за подпись под каким-то письмом-обращением. Только тогда и было разговору у соседних калинок: «Небратова-то уволили! Сидит теперь сложа руки».

Это выглядело странным. Во-первых, Иван Никанорович не сидел «сложив руки», а целые дни тогда копался в своем палисаднике, чинил забор, крышу. Во-вторых, отец Кости был человек степенный, строгий, с бородой, длинной и аккуратной, как у темноликих апостолов, что виделись на цветной, с золотом картинке, висевшей в прихожей у Небратовых; движения у Ивана Никаноровича были неторопливы, даже важны. В-третьих, жил он с семьей в домике, пусть и деревянном, пятиоконном, но над воротами которого висела жестяная табличка:

ДОМ ИВАНА НИКАНОРОВИЧА НЕБРАТОВА

И вот этого длиннобородого, важного домовладельца кто-то взял да и «уволит»! Просто трудно поверить. Известно было, что однажды Лукьянов уволит из своего трактира полового или в лесном складе Бурыгина уволит двух пильщиков и в придачу еще одну кухарку. Но

Иван Никанорович!.. Какое же сравнение! И когда через два месяца его обратно приняли на завод, все встало на место. Просто, наверно, была ошибка...

Но, видно, за два месяца отцовской безработицы туго пришлось семье, если Костя про Графина Стаканыча сказал хмуро: «Уволить могут...»

— Как же его уволят, — возразил я, — если он к генеральше не нанимался, а его просто так звали?

— Ну, не будут звать...

И в порыве сочувствия к Графину Стаканычу, появившегося, может быть, потому, что столяр со своим горем обратился к нам первым, мы стали прикидывать, как помочь ему, как достать ему работу.

Конечно, в первую очередь мы подумали: нет ли дома чего-нибудь из поломанной мебели? Но нет, все было будто цело...

— Погоди! У нас один стул шатается! — вдруг вспомнил Костя. — Из четырех винтов три осталось. Я могу третий вынуть, — великодушно добавил он.

— А у нас у дивана спинка отходит! — радостно вспомнил и я. — И даже скрипит, когда дядя Саша садится... Если диван от стены подальше отодвинуть, — не менее великодушно, чем Костя, добавил я, — то спинка под дядей Сашей побольше отойдет. Может, даже и треснет...

Костя еще вспомнил про сундук с вихлявой крышкой, я — припадающую на одну ногу этажерку; Костя — кухонный столик, я — шкаф и так далее. Все эти изделия тоже требовали от

нас великодушно-дополнительных повреждений, но тут закралось сомнение: Графин Стаканыч, как он часто рекомендовался, не простой столяр, а краснодеревщик,— возьмется ли он за простенькие сундуки, стулья, этажерки?..

С этим мы и отправились к обиженному генеральшей столяру.

4. «ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА...»

— Для столяра-артиста простых вещей нет-с! — гордо сказал Графин Стаканыч. — Он может даже табуретку сотворить, как мечту-грезу... Но обо мне, ребята, не беспокойтесь. Меня Баташевы-младшие подряжают столовый гарнитур обновлять. Не кого другого, а меня-с...

Баташевы были известные в городе владельцы самоварной фабрики, и если Графин Стаканыч не хвастал, то теперь его разлад с генеральшей выглядел не таким уж огорчительным.

...Мы находились в его мастерской — деревянной пристройке к дому. Стоял тот полусвет-полумрак, который бывает там, где помещение, не имея окон, освещается только открытой дверью. Запахи обступали нас. Неслышный ветерок, тянувшийся к двери, доносил то аромат распиленного дерева, то запах лака, то скипидара. Но яснее всего слышался тяжелый пахучий дымок от столярного клея, который Графин Стаканыч варил, помешивая палочкой.

Столяр был трезв, и, как у всех протрезвившихся людей, у него сейчас держалось на лице выражение чрезвычайной старательности и оза-

боченности — даже вот в таком пустом для него деле, как варка клея. Он, видимо, был тронут нашим приходом, нашим сочувствием. Следя, как стекают с палочки светло-коричневые густые капли, и вытягивая губы в трубочку, словно собираясь попробовать клей, он подмигивал нам, как бы говоря: «Вы, ребята, не беспокойтесь — проживу!»

Столяр даже проводил нас. Держа на отлете помазок от клея, он довел нас до калитки.

Мимо по мостовой пробежал белоголовый мальчишка с белым змеем. Змей делал в воздухе быстрый судорожный круг и, взметнув фонтанчик теплой провинциальной пыли, со звоном бубна вкалывался в мостовую. Мальчишка бежал дальше, змей опять приподнимался, крутился и снова, содрогаясь дранками и бумагой, вкалывался в землю.

— Вот поглядите на дурака! — сказал Графин Стаканыч. — Кто же со змеем бегают! Со змеем надо стоять...

Прямодушный Костька, смотря, как всегда, исподлобья чуть косящими глазами, сказал глухим голосом:

— А мы тоже бегаем...

В Графине Стаканыче какое-то мгновение боролся справедливый человек с вежливым. Первый требовал сказать: «И вы тоже дураки!»; второму как-то неудобно было говорить это хотя и мальчишкам, но пришедшим посочувствовать ему... Победил третий человек — справедливо-вежливый.

— Конечно, кому что нравится, — сказал столяр, морщась и свободным концом помазка по-

чесывая за ухом.— Но умный человек не будет гонять по мостовой со змеем. Только, так сказать, балда-с может надеяться, что дрянной змей взлетит от беганья... Змей должен лететь из рук, как голубь. Если, конечно, он настоящий, а, извиняюсь, не барахло...

Мы поняли, что Графин Стаканыч, несмотря на то что был трезв, «загнул». Как же так из рук! Это только заводной паровоз шел из рук...

На наших лицах, видимо, было написано такое недоверие, что столяр почувствовал себя задетым, собрался, кажется, что-то доказывать, но, взглянув на помазок с клеем, поспешил обратно в свою мастерскую. Впрочем, успел раскланяться — он даже с детьми раскланивался.

— Приходите завтра в это время! — сказал он, по обычаю своему неизвестно кому или чему подмигивая...

5. КАК ГОЛУБЬ

На следующий день в назначенное время мы застали Графина Стаканыча за прилаживанием какого-то фарфорового кружочка-тарелки к спинке низкого темно-красного кресла. На тарелке была нарисована розовая девочка с розовым барашком на руках.

— Это не тарелка,— объявил столяр,— а «медальон» с пастушкой. Да-с! Креслицу этому годков сто пятьдесят... Ну, идемте-ка сюда...

Он повел нас к верстаку, где уже было расчищено от стружек место и лежал лист оранжевой бумаги и три оструганные драпки.

— Какие у вас нитки? — спросил Графин Стаканыч.

— Толстые...— ответил Костя и полез в карман.

— Это не ответ! — Столяр с сожалением взглянул на нас.— Да, я вижу, вы сосунки в этом деле.

Он взял у Кости клубок суровых ниток и быстро раскрутил кончик в обратную сторону. Три тоненькие нитки-жилки изогнулись крошечными дужками (по количеству этих жилок они и назывались: двойник, тройник, четверик и т. д.).

— Тройник. Так и отвечайте! — проворчал столяр, о чем-то размышляя над оранжевой бумагой.— А то «толстые»... Толстые, милые,— это шестерик или восьмерик. А тройник — нитка легкая, мельче ее только двойник... Так-с... В таком случае раз тройник, то поубавим-с маленько, чтобы нитка выдержала...

И он отрезал от оранжевого листа, уменьшив и ширину и длину его.

...Да, конечно, мы с Костей были только начинающие змеевики. Суровые нитки мы купили лишь в этом году, а до того пускали змеев на домашних, на катушечных (черных или белых), взятых из маминой, существующей в каждом доме «коробки для шитья». Поэтому-то купленный тройник показался нам толстым.

Но не это говорило о нашей неопытности — позже мы убедились, что и на катушечных нитках можно прекрасно пускать маленьких змеев,— а то, что змеи наши... не летали. Да, мы носились с ними по мостовой туда и сюда — и против ветра и даже почему-то по ветру... Змеи

тащились за нами, иногда, как бы из вежливости, они приподымались до высоты забора и, завалившись набок или на спину, снова волочились за нами, поднимая тонкую, как пудра, пыль — пыль, которая бывает только на немощеных улицах провинциальных городов...

Графин Стаканыч меж тем быстро и ловко

сооружал нам змея. Мы следили за ним и, по правде говоря, не видели для себя ничего нового. Как делали и мы с Костей, так и он: подогнул слева и справа — чтобы не рвались бока змея — бумагу и, смазав края клеем (клей тоже был не столярный, а из муки), плотно прижал их. Затем на верхний край оранжевого прямоугольника приклеил дранку — так называемый наголовник, а две дранки подлиннее пустил по диагоналям листа.

Все то же самое, и мы так делали. Даже вот это заключительное: столяр быстро перевернул змея на лицевую сторону и двумя пальцами провел по каждой дранке, прижимая теперь не дранку к бумаге, а бумагу к дранке. И мы это всегда делали, чтобы дранки лучше пристали. Да, все так... Почему же наши змеи не летали?..

— Теперь бы ему часок-другой провянуть, просохнуть, — сказал Графин Стаканыч, — да вам, вижу, не терпится... И мне тоже некогда. Так мы его сейчас по ускоренной методе...

С этими словами он, придерживая змея за середину, за перекрестие дранок, поднял его над железной печуркой, где обычно разогревался клей, и стал помахивать змеем, нежа его на теплом восходящем воздухе. Вскоре темные влажные полосы от смазанных клеем дранок, видимые на лицевой стороне, стали светлеть, сливаться с общим оранжевым фоном.

Когда змей высох, столяр, оторвав от нашего тройника одну нитку подлиннее, другую покороче, быстро сделал змею верхние путы. Затем согнул наголовник в слабую дугу, отчего змей как бы выпятил грудь, стал выпуклым.

Оставался только хвост. Вот тут было другое! Мы делали хвост длинным, а пути на нем — короткими, а тут было наоборот. Наш хвост напоминал рогатку с короткими рогульками и длинной ручкой, у Графина же Стаканыча — длинные рогульки и короткая ручка...

— Ну, пошли! — сказал столяр.

Это всегда был торжественный, решающе-острый момент: человек выходит с новым змеем. Что будет? Как полетит? Да и полетит ли?..

Столяр же сказал: «Ну, пошли!» — просто, наскоро, так как его ждали дела, конечно, поважнее.

Неся змея на весу, он прошел двор, калитку и, выйдя на середину нашей тихой, с зеленой травой улицы, обернулся, как бы взглянул на ветер. Встав спиной к нему, Графин Стаканыч, держа за нитку, чуть подкинул оранжевого змея.

И он полетел.

Да, как голубь. Прямо из рук...

Раздалось милое и дорогое сердцу змеевика учащенное постукивание вертящегося по земле мотка ниток: он разматывался, худел, уменьшался на глазах...

Впрочем, «дорогим и милым» это стало позже, когда змеи у нас перестали загребать пыль и принялись летать, принялись разматывать мотки... А сейчас пока что мы, раскрыв рты, смотрели, как оранжевый летун, забирая нитку, поднимается все выше и выше — выше дома, выше телеграфного столба (наша измерительная единица высоты), выше двух, трех, выше четырех столбов...

Костя стоял замороженный, подергивая реме-

шок на синей сатиновой рубашке. Он ухитрился даже на такую высоту смотреть исподлобья.

— Такой же, как у нас, — от волнения он сопел носом, — а летает...

— Хвост у него другой! — почему-то шепотом сказал я.

Каждому создателю лестно и приятно изумление окружающих, хотя бы и мальчишек. Графин Стаканыч обернулся к нам, и все его доброе, с подмигивающими глазами лицо светилось улыбкой.

— Это мы потом разберем, что тут другое, — скороговоркой проговорил он, протягивая нам нитку. — А сейчас держите-ка!

6. ПОЛЕТ

Это был волшебный миг. Это, как мы потом узнали, был центр, главное, это было сердце «змейкового» дела...

Мы с Костей тотчас и вместе схватились за нитку, за наш тройник.

...Нитка, оказывается, живая... Она в полете. Все в полете: нитка, оранжевая бумага, драмки, мочало, наши руки... Да, держась за нитку, мы с Костей как бы тоже летим. И не просто летим, а управляем полетом, может, от этого и чувствуем полет... Вот потянуть нитку, чуть собрать ее — и змей, а значит, и мы забираемся выше; начать отпускать — и змей, кивая, уносит нас с Костей вдаль... Это, конечно, тоже интересно, но так, на слабой нитке, и на крышу сядешь... Нет, лучше,

когда выше. Мы перестаем отпускать нитку, и змей, радостно гудя, виляя хвостом, начинает забирать вверх, к облакам. Но тут он добирается до струи напористого ветра, и его угрожающе раскачивает, клонит то вправо, то влево — клонит с затяжками... Нам страшно: вот-вот все мы трое — он, Костя, я — колом пойдем к земле...

Большая, в рыжих волосах рука перехватывает у нас туго натянутую нитку и начинает мелко и часто ее подергивать, как бы приструнивая оранжевого: «Легче, легче, дурачок!» И верно: змей, повиляв, успокаивается.

— Теперь давайте ему нитку, — говорит столяр, передавая нам опять управление. — Заберется повыше — там ветер ровнее будет.

Небольшими, в один перехват, порциями мы отпускаем нитку. Но тройник наш кончается — заостренная по концам палочка, на которую он был намотан, последний раз покрутившись по земле, сбросив с себя последние ряды ниток, голая и худая, поднимается с земли, попадает к нам в ладони — всё! Нитки кончились.

Змей же, разохотившись, виляет хвостом: «Ну, что там? Давайте еще!» От высоты он уменьшился, стал с ноготок, потемнел — уже не оранжевый, а темно-красный. Стоит не двигаясь, только кончик мочального хвоста туда-сюда...

— Скучает! — говорит столяр. — Но мы его сейчас повеселим.

Из куска бумаги, заваливавшейся в его кармане, он делает «письмо» — кружок величиной с пол-ладони с дыркой посередине. В эту бумажную баранку он продевает пустую палочку мотка, и кружок повисает на нитке. Но только на

миг — ветер подхватывает его, и «письмо» с еле слышным свистом быстро скользит по нитке, мигая, уменьшаясь и темнея. Вот последний раз оно мелькнуло где-то уже на подходе к змею и исчезло. Проходит секунда, и змей начинает водить головой слева направо и справа налево, как это делает человек не дуже грамотный.

— Понравилось! — Графин Стаканыч нам подмигивает. — Внимательно читает.

Но улыбка вдруг сходит с его лица. Нитка незаметно ослабла, и змей опускается. Столяр быстро отбирает у нас нитку и большими взмахами, будто плывя по воздуху саженками, начинает собирать ее. Круги тройника один на один ложатся на землю. Но вот оранжевый попал в течение ветра, выровнялся и потянул опять. Графин Стаканыч, как мы чувствуем, не без сожаления (еще бы: каждому интересно распускать змея!) передает нитку нам.

...Мы круг за кругом отпускаем нитку, забираемся с Костей все выше и выше, и вот в руках, снова голая и пустая, палочка от мотка... Да, змей стал с ноготок, но и люди и дома сверху тоже уменьшились. Вон наша, с зеленой травкой по краям, Николо-Завальская улица, вон Воронежская, Никитская, Фоминская, Хлебная площадь, Киевская... Оттуда все видно, но как страшно... Вдруг палочка с концом нити вырвется из рук!.. Тогда все погибло, как корабль без капитана — игрушка ветра...

Однако пора сматывать: столяру некогда с ребятами да со змеем болтаться среди улицы... Он отбирает у нас нитку и, зажав ее под мышкой, начинает мотать тройник на палочку. Это — то-

же искусство! Быстро покрываясь рядами ниток, моток вытягивается по палочке, принимая форму огурца.

Мы следим за этим и вдруг слышим над собой бубнящий, будто руки касаются бубна, звук, и тотчас хвостатая тень косо пересекает улицу...

Мы поднимаем голову. Какой он большой! Какой красивый!..

Еще немного — и путешественник в поднебесье лежит на земле. Он уже не тот, что взлетал, а другой — необыкновенный, какой-то важный... Еще бы! Так высоко летал, что даже вот немного выгорел на солнце. И понятно: с солнцем рядом был.

— Ну, теперь, орлы, смотрите, в чем дело! — говорит Графин Стаканыч, присаживаясь перед змеем на корточки.

Мы и забыли про свое недавнее удивление: почему летает? Мы тоже присаживаемся, и столяр показывает, как устроен хвост, как пути. Оказывается, главное в путях — в трех ниточках, дающих змею правильное положение в воздухе. Секрет даже не во всех путях, а в центральной нитке, которая должна быть только чуть-чуть короче каждой из двух верхних...

Столяр поднимается, отряхивает с колен пыль.

— Ну, вот и все. Забирайте.

Секунду мы с Костей стоим не двигаясь.

— Это нам? — спрашиваю я и не верю.

— Это насовсем? — вторит за мной Константин и протягивает руку, однако не берет змея: ладонь уже в оранжевом отсвете, но еще не коснулась ни бумаги, ни дранок...

Графин Стаканыч делает какой-то неопределенный жест, но мы понимаем: да, наш! Мы хватаем змея, необыкновенного, летающего! Да, летающего из рук...

7. РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАБОРЕ

С этого дня мы с Костей были втянуты в «змеинное»... нет, лучше сказать, в «змейковое» дело.

Мы отошли от тех неудачников — правда, безобидных, неунывающих, — которые, сверкая пятками, гоняли по мостовой туда-сюда, по ветру и против ветра, свои нелетающие изделия. Нет, мы теперь с Костей были люди степенные, обстоятельные. Мы выходили на середину нашей малопроезжей улицы и, как Графин Стаканыч в тот памятный день, став спиной к ветру и, как он же, обернувшись, словно взглянув на ветер, подкидывали змея. И он летел. Да, летел, как у Графина Стаканыча, с места ввысь. Мы стояли, подергивали нитку, собирали ее, отпускали и были одновременно и на земле и на небе...

Оранжевый — начало всех начал — уже отлетался и лежал у меня под кроватью. У него была пробита из рогатки грудь (получил заряд из-за забора, когда снижался, и злоумышленник не был открыт) и распорот бок (при порыве ветра его отнесло на телеграфный провод). Все это было, конечно, заклеено, но он уже стал не тот: грудь вполне зажила, но бок от клея и заплаты перекосило, и оранжевый в полете кренился влево.

Теперь он лежал под кроватью.

Это было лучшее место не только для змеев-инвалидов, но и для летающих их собратьев: здесь никто не мог на них наступить, задеть. Подременная, свернув кольцами желтый мочальный хвост, это дитя ветра лежало тут в покойном теплом полумраке и лишь при сквозняках в квартире просыпалось и даже порой начинало тихо, на месте подлетывать...

Да, оранжевый отлетался. Но от него родились: зеленый — у Кости и белый — у меня. Мы клеили их, положив перед собой изделие Графина Стаканыча и точно копируя и величину бумаги, и толщину дранок, и, конечно уж, длину пут.

Костя особенно усердствовал в точности: достал линейку и мерил, мерил... Может быть, именно тут начались его «опыты».

У Кости змей был из зеленой бумаги — гладкий, без украшений, у меня же — из белой, с традиционным «сердцем» посередине, вырезанным из голубой тетрадной обложки. «Сердце», как и везде и всюду, изображалось в виде червонного туза, но на змее полагалось еще и добавление: маленькие косячки по четырем углам, выкроенные из той же цветной бумаги.

Мы запускали змеев на улице, на ровном, не смятом ветре, потом переводили нитки к себе во дворы. Тут было спокойнее, на улице же без охраны родных опасно: любой злодей мог отнять змея. И очень просто: подойти, схватить, оборвать нитку и убежать. Пускающий змея беспомощен до предела. С ним разве только сравнится человек, несущий аквариум с водой и рыбками.

Переведя змеев во двор, мы распускали нитки

до конца, и наши летуны, поднявшись над домами, над улицами, включались в общую стаю, парившую над городом.

Тут, в поднебесье, был «...цвет столицы, и знать, и моды образцы...» — тут были змеи всех размеров: от крошечных, величиной с ладонь, запускаемых на материнских катушечных нитках, до великанов с двумя наголовниками, с двумя трещотками, склеенных из целого листа цветной бумаги, который, как известно, взрослому человеку по пояс; змеи всех цветов: красные, синие, зеленые, желтые, белые, составленные из двух цветов, из трех и — шахматами — из четырех; змеи толстохвостые, тонкохвостые; змеи только что поднимающиеся, поднявшиеся и стоявшие в небе уже давно...

Выше всех, главенствуя над всеми, как орел, парил над городом гигантский змей из синей «сахарной» бумаги¹, поднятый еще вчера и простоявший всю ночь в небе. Это был знаменитый, известный в Т — е «солдатский» змей, запускаемый из казарм. Усевшись на разных концах забора, разделявшего наши дворы, — на разных, чтобы один змей не налез в воздухе на нитку другого, — мы с Костей, посматривая на своих летунов, пускались громко обсуждать все видимые змеи. В первую очередь, конечно, те, которые были выше.

— Этого, наверно, на пятнадцать копеек распустили! — говорил Костя, кивая на змея величиной с горошину и ставшего от высоты темным и даже кругловатым.

¹ «Сахарная» бумага — то есть плотная синяя бумага для обертки сахара.

— На десять. Не больше,— отвечал я.— Ведь он с четверть листа.

— Нет, Мишк, побольше. Потому и говорю, что на пятнадцать...

Тут был довольно сложный расчет, в который входили неизвестные: величина змея, высота полета, толщина ниток — при одном известном: цена ниток. Чем нитки были толще, тем они были дороже. Самым дешевым был двойник, самым дорогим — шестерик.

Так, например, увидав в небе крошечного, с ириску, змея, сначала надо было определить, что это: маленький змей на небольшой высоте или большой змей на большой высоте? Если это было установлено, то по величине змея, по дуге провисающей нитки определялась толщина нитки, а по высоте полета — насколько хозяин змея расщедрился, вернее — отец, давая сыну деньги на нитки.

Нитки покупались на пять, десять, редко — на пятнадцать копеек. И только уж счастливыми — на двадцать. Это было богатство... Но какие бы деньги змеевик ни получал от отца, он тут же погружался в долгое, сладко-мучительное раздумье: какие нитки покупать?

...Двойника даже на пять копеек дадут очень много, но какие змеи придется все лето пускать на этих тонких нитках! Маленькие — не больше развернутого тетрадного листа!.. Пятерик же выдержит полулиствого змея, а шестерик — и побольше, но вот беда — на пять и даже на десять копеек этих толстых ниток лавочник даст немного.

А как красив полулиственной змей! Какой у не-

го плавный, важный взлет! Он звенит, как бубен! А как тянет!.. Да, но что за радость, если такого красавца распустить как следует нельзя! И сам ты и другие ребята в первую очередь смотрят на того змея, который выше. Высокому не страшна перемена низкого надземного ветра; такой змей стоит не шелохнувшись, его можно привязать к колышку... Да что там — оставить на ночь, как «солдатский».

Так-то так, однако на эти деньги высоко можно запустить только маленького змея... И он, легкий, не будет тянуть, и трещотка на нем будет еле слышна — комариный писк...

И после раздумий обычно покупались средние нитки — четверик. Лавочник давал его сравнительно много, а четверик выдерживал почти полулиственных змеев.

— А вот это тройник на пятачок! — кивал Костя на узкого змея из желтой оберточной бумаги, который, взлетев, сейчас как бы усаживался, выбирая себе место на небе.

— Вон — Ленки Ксенофонтова.

— Где?

— Справа от «солдатского»... Красный с желтым.

— А он сегодня забирает!..

«Он» — это парящий над всеми, глава всех — синий «солдатский» змей. Если о любом можно было сказать, какие у него нитки, сколько наголовников и прочее, то этот был непостижим. На земле его никто не видел (казармы стояли за высоким забором), поэтому ходили только слухи, легенды: сделан он из «сахарной» бумаги, размером с человеческий рост, пускают его на каком-то

ником не виданном десятирике, и он так тянет, что держат его два солдата. Да и не просто держат, а, чтобы не унесло, солдаты обматываются цепью...

8. КВАДРАТ И РОМБ

А на следующее лето Костя решил идти дальше. Сначала мы с ним покинули «челноков», носящихся со своими нелетающими летунами туда-сюда, а теперь Константин как бы покинул меня — обыкновенного змеевика. Он, видите ли, решил «ставить опыты».

Ему показалось мало пускать змея, как все. Недаром, когда мы сидели над оранжевым, вернувшимся из поднебесья, он расспрашивал Графина Стаканыча, почему пути сделаны так, а не этак, почему надо нагибать наголовник, почему то, почему это...

Возможно, на «опыты» его натолкнули два события — два н о в ы х, не похожих на наши змея, которых мы увидели в начале лета.

Первый был необыкновенно красив, и пускал его Аленька — маменькин цветочек.

Справа за забором нашего двора находился лесной склад Бурыгина. Сам Бурыгин был мужчина простой, немудреный: расхаживал по своему складу, между бревен и досок, зимой — в ватной куртке, летом — в сатиновой косоворотке; поругивался с возчиками, курил дешевые папирсы «Трезвон»...

Сидя на заборе, мы иной раз видели, как Андриан Кузьмич, подтянув короткие голенища

сапог и сбив облезлую меховую шапку на затылок, помогал возчикам спустить с тележных ходов бревна или вытянуть лошадь из осенней грязи. Иногда для разминки, отстранив какого-нибудь парня в лаптях, он хватался за большую, звенящую басом продольную пилу...

Но женился этот мужчина на актрисе местного театра Светлозаровой-Лучезаровой. Несмотря на такую фамилию, она в театре была на выходных ролях: или проходила в одной из пар, изображавших гуляющую по бульвару публику, или молчаливой гостьей сидела на чьих-то именинах, или пробегала со щеткой слева направо... Однако прошло время, и судьба преподнесла ей дар. Но не на сцене, а из зрительного зала: Бурыгин, сидя по простоте и бережливости в последних рядах партера, заметил у задних кулис высокую, худощавую девушку с черными запавшими глазами...

Все это нам с Костей было известно от наших пап и мам, ибо то происходило до нашего появления на свет. А сейчас по соседнему с нами двору лесного склада бегал сынок Бурыгина и Анфисы Алексеевны Светлозаровой-Лучезаровой, по прозвищу «Аленька — маменькин цветочек» или просто «Цветочек».

Алешка был бы человек человеком, если бы не нежная любовь матери. Не знаем, что происходило у них дома, за стенами, но, находясь на дворе заборе или на улице, мы видели, как в бурыгинском доме время от времени открывалось то окно, то дверь и раздавалось, как вскрик восторга:

— Аленька!!!

К подбежавшему мальчику протягивалась рука матери то с булкой, то с ложкой варенья, то с ломтиком колбасы... Иногда же ничего не протягивалось, вместо этого Анфиса Алексеевна хватала подбежавшее чадо в пылкие объятия и, закатывая свои черные запавшие глаза, горячо целовала Алешку.

Мамаша не только из Алексея, Алеши сделала какого-то Аленьку, но еще и обрядила его шутом гороховым — в настоящую взрослую одежду: брючки навыпуск, пиджачок, галстучек. В добавление еще — прическа на пробор... Аленька — маменькин цветочек напоминал одного из тех лилипутов, которых мы с Костей видели в прошлом году в цирке.

Вначале Алексей, замечая, что ребята смеются, защищался и от поцелуев и от пиджачков, но потом мама внушила ему, что все это от зависти. Наверно, в самом Алешке было какое-то зернышко от маменьки, и он поверил ей... Стал задаваться, хвалиться. Залезал на забор и, сияя розовой мордашкой, объявлял, что маменька сегодня купила бархатные шторы, а папенька — целый фунт колбасы...

Его, конечно, били — кто же любит хвастунов!

И вот этот Аленька в начале июня вынес на улицу необыкновенного змея. Уже по самому Цветочку это можно было понять. Он то бледнел, то краснел, то от восторга начинал смеяться. Нас он оглядел торжественно-надменно...

Змей был совсем необыкновенный. Во-первых, не из бумаги, а из голубого сатина; во-вторых, на хвосте, как на девчоночьей косе (но толь-

ко много-много!), были нанизаны тряпичные бантики; в-третьих, он был квадратный, и, в-четвертых, — самое удивительное! — он находился в... коробке. В плоской большой коробке, в которых игрушечные магазины продают настольные игры.

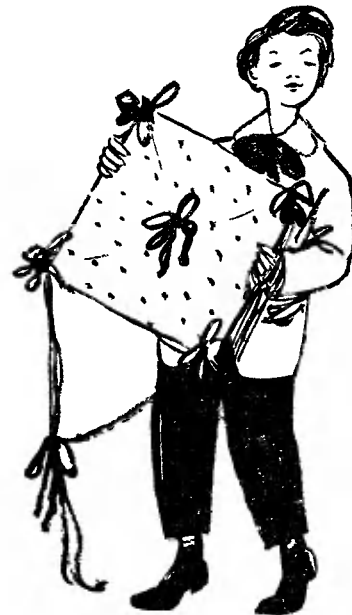
Да он и был куплен в игрушечном магазине Юдина. Это был покупной змей.

Николо - завальские ребята оторопели... Это все равно как если бы в магазине купили живую собаку или кошку, которые, как известно, неизвестно откуда появляются. Или еще вернее — все равно как если бы из магазина вынесли пять фунтов щей или борща, которые всегда варят дома. Только дома...

На это дивились мы — обыкновенные змеевики. Константина же задел не сатин, не бантики, не коробка из игрушечного магазина, а то, что у Алексея змей квадратный.

— Понимаешь, Мишк, значит, и квадратный летает! — хмуро-раздумчиво сказал он, пытливо, будто запоминая, всматриваясь в покупного змея.

Да, змей был необыкновенный, удивительный, но самое удивительное ожидало нас впереди.

Все с тем же торжественно-хвастливым выражением на своей кругло-розовой рожице Цветочек вынес змея на середину мостовой и, взявшись за нитку, прытко побежал с ним.

Змей... не полетел. Взмахнув своими бантиками, он вколотся в землю, в пыль.

Это было поразительно. Такой красивый, нарядный — и вдруг...

Но хвастуны — народ неунывающий. Другой бы на месте Цветочка огорчился или попробовал что-либо исправить. Нет, Аленька стал таскать свой нелетающий сатин на руках, показывая, какой он глянцевитый, какие внизу разноцветные бантики, какая гладкая катушечка для ниток...

Костя был занят другим.

— Не может быть, чтобы не летал! — твердил он. — В магазине же, за деньги... Наверно, Алешка пути ему перекошил. А так почему же квадратному не летать?..

* * *

Другой н о в ы й змей был совсем не похож на наши.

Однажды прибежал Костыка и выкрикнул:

— Мишк, пошли скорее!

Пока мы мчались по краю Хлебной площади к Фоминской улице, я узнал, что Иван Никанорович послал Константина отдать скорняку три рубля долгу, оставшегося еще от зимы... Но Костыка не отдал — отцовская трешка еще в кармане, — так как в конце Фоминской какой-то приезжий чернявый мальчишка пускает бесхвостого змея.

— Как — бесхвостого? Коробчатого?

— Побежал бы я из-за него! В том-то и дело, что не коробчатый, а как обыкновенный, только углом вверх. Ну, ромбом, как бубновый туз... А хвоста нет.

— И ничего? Не колдует?

— И ничего...

...Мы подбежали к самому интересному: змея собирали, — значит, мы могли увидеть его и в лёте и на земле.

Двое смуглых узкоглазых ребят, время от времени выкрикивая какие-то незнакомые нам слова, медленно сматывали змея. Он уже был на высоте телеграфного столба, и его можно было разглядеть... Белый, ромбом... Да, хвоста не было, но внизу и на двух боковых углах бубнового туза висели какие-то кисточки — не то для красоты, не то для равновесия...

Когда змей плавно лег на землю, мы в числе других ребят подскочили ближе, присели над ним на корточки. И тут было удивительно: всего две драпки. Одна — сверху вниз и другая — дугой — поперек.

— Это китайский! — просипел кто-то из местных фоминских змеевиков, налезая нам с Костей на плечи, на голову.

Ах, дело не в этом! Пути вот какие? У Кости, который ближе всех очутился около лежащего змея, чесались руки перевернуть его, посмотреть на пути. Что драпки видны — это хорошо, но вот как нитка крепится?.. Однако был закон: чужого змея смотреть смотри, но не трогай.

Соблазн же был велик, и Константин протянул было руку, но подбежал узкоглазый смуг-

лый парнишка и, веселым голосом лопоча что-то непонятное, утащил своего змея.

Зайдя к скорняку и отдав ему три рубля, мы пошли домой.

— Интересно, почему он не колдует, не переворачивается? — сказал Костя. — Что его держит прямо, если хвоста нет?..

И Аленькин квадратный, и этот бесхвостый с кистями надо было бы отложить, забыть — у нас ведь есть хорошие, проверенные, летящие из рук, — но Константин решил «ставить опыты»...

9. ОПЫТЫ

Это выражение принадлежало не Костьке, а его матери — доброй и суматошной Марии Харитоновне. Она, случалось, говорила это, когда после обеда глава семьи — Иван Никанорович — отправлялся в сарай. Иногда и мы шли туда.

Заметив открытую дверь дровяного сарая, мы с Костей подходили на цыпочках и замирали в отдалении. В стороне от дров на верстаке был установлен блестящий молодой медью какой-то приборчик. От нажима рукой толстый цилиндр в приборе ходил вверх и вниз, влево и вправо, а какие-то плотные, красивые шарнирчики делали, как гимнасты на турнике, ловкие перекидки.

Прижав черную бороду к груди, надломив ее, Иван Никанорович нажимал и нажимал на маленькую педальку-курок, и шарниры, блестя маслом и красной медью, кувыркались, перекидывались...

И вот в это время, если кто спрашивал Ива-

на Никаноровича, Мария Харитоновна вполголоса — строго и значительно — отвечала:

— Сейчас нельзя, он опыты ставит.

Или:

— Подождите! Опыт поставит и придет. Он их уже часа два ставит, скоро кончит.

Отец, по словам Кости, делал какое-то необыкновенное охотничье ружье: оно само должно было заряжаться, и заряжаться многими патронами. Хотя я не держал в руках еще никакого ружья, но понимал, что для охотника радости мало: выстрелил и тут же возись — заряжай. Вот у Ивана Никаноровича будет ружье так ружье! Одно только вначале удивило: ружье — штука длинная, а весь этот кувыркающийся приборчик в горсть можно взять. Константин объяснил: дело не в стволе, а в замке...

Все это было понятно: мастер Оружейного завода чего-то хлопочет с ружьем, «ставит опыты» — на то он и мастер. Кроме того, Иван Никанорович — человек взрослый, с бородой. Но Костька! Какие такие могут быть у него «опыты»? Змеев мы с ним пускаем всего второй год, пускаем на четверике — до больших змеев еще не добрались — и уже, представьте, «опыты»!

Но Костька решил «ставить» и действительно вскоре вынес змея с укороченной средней путой. Змей не полетел — он так закидывал голову и так выставял грудь, что ему было не до полета. Тогда Костька, наоборот, удлинил среднюю путу — змей потерял тягу, он лежал на воздухе и напоминал утояющего, которого тащат за волосы.

Потом Константин менял ширину и высоту змея, длину хвоста... Пробовал и Аленькин квадратный и бесхвостого с Фоминской улицы. Однажды он вынес желтого змея, украшенного, как свадебная лошадь, лентами, только бумажными.

— Это вместо трещотки! — сказал Костя. — Может, лучше.

Змей в полете не трещал, а как бы свистел. Это было интересно, но недолговечно: насвиставшись, ленты в воздухе оторвались...

По старой памяти Костя отправился к Графину Стаканычу совещаться по поводу дальнейших «опытов».

Столяр только в этом году помирился с генеральшей. Долгое время он чувствовал урон от этой ссоры: Таисия Тихоновна, бывало, звала его то подкрасить, то подправить, то новое сделать. И вот этого целый год не было. Но Графин Стаканыч молчал об этом уроне, будто и без генеральши работы хватает. Себе в утешение он выдумывал каких-то новых, щедрых, вроде самоварных фабрикантов Баташевых, заказчиков...

Однако первым к генеральше не шел и дождался, когда Таисия Тихоновна, сменив гнев на милость и позабыв всю историю с Мимишкой, позвала его. Из вежливости, чтобы тоже сделать шаг навстречу примирению, столяр пошел на грубую лесть.

— Ваша... эта самая... Мими того... похорошела, — сказал он, кивая на облезлую, будто порпорченную молью кошку. — Просто красавица!

Таисия Тихоновна милостиво улыбнулась, и мир был восстановлен. Однако, чтобы показать генеральше, что не она ему, а он ей нужен, Гра-

фин Стаканыч, поджав губы, критически оглядел, потрогал столик в гостиной.

— Это, я помню, столик был? — помедлив, спросил он.

Таисия Тихоновна подняла брови.

— Ну да! — сказала она несколько нерешительно. — Ну конечно, столик. А то что же?..

— Так-то оно так... — Столяр вертел хрупкое создание на трех ножках. — Но кто-то без меня тут напортачил... Теперь он разве только под цветы, в угол.

...Костя пришел от Графина Стаканыча с чудесным змеем. Нет, змей был тот же, желтый, на котором Костя «ставил опыты» с лентами-свистунами, но на обороте змея, на перекрестии дранок, была сделана из картона люлька, в которой, схватившись за ее борт, с мужественным видом стоял деревянный человечек, вырезанный столяром.

— Понимаешь? — У Костьки блестели глаза. — Может ли змей поднимать груз? Если может, то тогда, значит, может поднять и человека... Понимаешь, человека!

— Этот змей? Человека? Настоящего?..

— Этот должен деревянного. — В руках у Кости появился листок с цифрами, написанными не его рукой. — Но если он его поднимет, то для постройки человеческого змея мы смерим площадь желтого змея и вес этой вот фигурки. Разделим площадь на вес...

Какой самоуверенный тон! И вообще эта люлька, человечек, цифры, сделанные, выстроенные, написанные без меня...

— А почему не вес разделить на площадь? —

вызывающе, лишь только чтоб возразить, спросил я.

— Ты думаешь, что лучше вес на площадь?

И доверчивый Костя, насупившись, устремив взгляд на змея, хотел погрузиться в долгое раздумье, но я уже не сердился на него.

— Там видно будет,— примирительно сказал я.— Лишь бы он полетел в таком виде. С фигуркой...

10. БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ

И что же: в т а к о м виде желтый змей полетел. Мы сидели на дворе у Небратовых на любимом месте — на бревнах. Змей был запущен на улице, для безопасности «переведен» — перекидкой нити через ворота — во двор, и теперь он, чуть пошевеливая хвостом, стоял высоко, почти на всем мотке, дожидаясь, требуя,— как всегда змеи требуют,— когда ему отдадут оставшуюся нитку.

Впрочем, на этот раз требовал не змей, а капитан — капитан воздушного корабля. Деревянного пассажира, вырезанного столяром, мы переименовали в капитана, а по родству с Графином Стаканыхом назвали Стаканчиком.

...Сначала мы увидели, вернее — увидели-почувствовали, как храбрый Стаканчик, ухватившись за борт картонной люльки, бесстрашно оглядывает голубой простор; затем люлька вдруг превращается в настоящий капитанский мостик, и не две, а теперь четыре руки — мои и Костины — держатся за поручни мостика. Костька

иногда форсит: снимает свои руки с поручней, как это делают ловкачи, наострившиеся в езде на велосипеде. Голубое и бескрайнее расстилается перед нами, над нами... Одно плохо: сзади, за спиной, огромный, мощный парус змея загораживает часть горизонта, землю...

— Надо сделать окошко,— говорит Костя, говорит не то здесь, на бревнах, не то там, наверху, на капитанском мостике...

И верно: тотчас в желтом полотнище змея прорезывается окошко, через которое теперь уже положительно все обозревается и на небе и на земле. Больше того, в неизвестно откуда появившуюся подзорную трубу виден и крохотный Графин Стаканых около тяжелой лебедки. Вертя лебедку, он распускает и распускает нитку... Нет, братцы, это не нитка. Какая уж там нитка! Это даже не легендарный десятерик: это (предел толщины!) веревка, на которой вешают сушить белье. Да, да, вот какая... Графин Стаканых распускает веревку все дальше и дальше, а нам с Костей становится все необыкновенней, все голубее, все выше...

Но вдруг какая-то хвостатая тень — справа, близко...

Мечты тотчас отлетают, и мы с Костей оказываемся на бревнах, на небратовском дворе. И видим: какие-то злодеи со стороны улицы, за забором, выпустили змея-колдуна... Мы знаем, что это такое. Называется он почему-то «колдун» (а его перекидки в воздухе — «колдованием»), а на самом деле это змей-хромоножка, змей-бандит. С перекошенным и укороченным хвостом, он не летит прямо и плавно, как всякий чест-

ный змей, а, косо взлетев, начинает, будто припадая на одну ногу, перекидываться. А это его хозяевам только и надо...

Так и тут. Почувяв беду, мы с Костей в четыре руки начинаем собирать, мотать нитку. Но уже поздно, поздно... Буро-серый, из селедочной бумаги бандит перекидывается через наш четверик и схватывает его...

Мы сматываем еще быстрее. Змея теперь нам, уж конечно, не видать, но хотя бы ниток побольше вытянуть, побольше спасти...

Раскрасневшийся, начавший, как всегда в минуты волнения, косить глазами, Константин сопит около меня. Широкими «саженками» хватает он нитку, вытягивает ее из лап буро-серого.

Наш «опытный» жалобно и потерянно виляет хвостом, словно понимая, что его похищают, что теперь у него будет новый хозяин... А как там бесстрашный капитан Стаканчик? В лапы к пиратам! Нет, он выпрыгнет, обязательно выпрыгнет из своей картонной люльки: лучше, пролетев голубую бездну, угодить в какую-нибудь печную трубу, чем достаться этим негодьям...

Негодяи меж тем, быстро собрав нитку от своего «колдуна», притягивают и наш четверик. Мы сразу чувствуем это: четверик больше не идет. Костя, сопя, кося, дергает, тянет...

И вдруг нитка пошла — легко, свободно. Все понятно: змей наш отцеплен, четверик оборван, и мы мотаем свободный, осиротевший конец его...

Это мы успеем — конец нитки уже во дворе, — но кто злодей?

Бросив недомотанный моток, мы бежим к за-

бору и, стуча сандалиями, по гулким пыльным доскам взлетаем наверх. Ага!.. Трое ребят с одинаково круглыми, одинаково белесыми, как сваренные картофелины, головами бегут по Николо-Завальской к Хлебной площади... Мы грозим им кулаками и выкрикиваем обычное, извечное:

— Попадись теперь!..

Мы знаем их. Это братья Куроедовы. На Хлебной площади есть лавка с низкими, но широкими, тяжелыми дверьми, над которыми висит длинная вывеска: «Шорно-москательная и скобяная торговля А. А. Куроедова». Летом из лавки тянет приятным холодком и запахом олифы. Если заглянуть внутрь, в глубине лавки за кассой виднеется хозяин; иногда он выходит из полумрака и садится перед своим заведением на табурете. Тогда его можно разглядеть: голова, как и двери лавки, низкая, широкая к ушам; он чернобров, черноглаз, и когда, выскочив со двора, появляются белобрысы, картофельные ребята, то не веришь, что это куроедовские. Но вот в окне второго, тоже приземистого этажа выставлена белая, дородная, с льняными волосами женщина и скороговоркой кричит: «Вань-петь-гриш! Обедать! Да поживей, черти!» — тогда понятно, что Ванька, Петька и Гришка — их дети.

...Так это вот они бегут с нашим змеем... с Костиным «опытным» змеем, унося капитана Стаканчика. Нет, мы не видели, когда он выпрыгивал... И тут Костя вспоминает, что капитан на случай воздушной непогоды прикреплен за ножку к дранке. Значит, плен... И мы не можем его освободить, не можем ничего сделать: эти пираты уже далеко...

Но, конечно, помириться с этим мы не могли. Особенно негодовал Костя: теперь не разделить ни площадь змея на вес капитана Стаканчика, ни вес на площадь...

Однако как же вернуть «опытного»? Если бы братья Куроедовы пускали своих змеев, как и мы, на дворе, за забором, то можно было бы при удаче незаметно подкрасться, подпустить своего «колдуна», набросить нитку на нитку и так далее — повторить то, что они сделали с нами.

Но Вань-петь-гриш пускали на Хлебной площади, с места открытого, — никак незаметно не подойдешь. Кроме того, тут же вертелись их дружки... Да если и не дружки — все равно: куроедовских трое, а нас двое.

На следующий же день эти бесстыжие братья-разбойники запустили пленного «опытного». Скрываясь за ларями, стоящими на площади, мы видели его. Из тонкой желтой бумаги с просвечивающими дранками, он легко, как голубь, взлетел и пошел набирать высоту. Вероломный!.. Он летел так же послушно, как и из наших рук. И казалось, был еще более красив. В середине, в перекрестии дранок, виднелось темное пятно: это кабина капитана Стаканчика. Наверно, и он там сам, привязанный за ножку...

Мы стояли в тени ларей, скрываясь, и у нас, как у всех обездоленных, был жалкий, просящий вид.

— Его бы из рогатки, — мечтательно-зло говорит Костька. — Попасть в дранку, переломить... Закрутится, пойдет вниз, и тут мы...

Это, конечно, тоже со зла на братьев-разбойников, со зла на капитана Стаканчика, поднявшего сейчас свой воздушный корабль в чужом небе... Да разве можно из рогатки попасть на лету в тоненькую дранку? Да и высота какая... Может, и есть где на свете такой стрелок, но только это не мы с Костей...

— Лучше, Костя, взять у твоего папы дробовое ружье, — говорю я, — и выстрелить в нитку. Перебьем нитку и поймаем змея.

— Отец не даст... — Костька вздыхает. — А без спросу знаешь что будет?.. Да и тебе тоже. Он не посмотрит, что у тебя свой отец есть... Заодно...

Мы смолкаем, поглядывая на небо. Он распушен побольше, чем летал у нас. Еще бы! В заведении «Шорно-москательная и скобяная торговля» продаются какие угодно нитки — свои, не покупать. Может, потому Стаканчик и изменил нам?.. Мы выглядываем из-за ларя: у распушенного мотка не только три брата, но еще и их дружки — Афонька Дедюлин, Борька Капустин.

— Во здорово! Во здорово!.. — Костька вдруг начинает припрыгивать. — Понимаешь, набрать сухих листьев да пустить на них дым... Он их закроет. Всех закроет — всю шайку! А мы, — глаза Кости сияют, — подкрадываемся в дыму, рвем нитку и убегаем... Понимаешь, пока они там чихают в дыму, пока трут глаза, мы обрываем...

— Мы сами чихать будем...

— Да как же будем, если дым впереди нас, а мы за ним?

— А если ветер переменится?

Я возражаю неизвестно почему — Костькина идея просто замечательна, великолепна! В самом деле, мы, как призраки-мстители, появляемся в дыму. Враг ошеломлен: может, тут, в дыму, не двое беспощадных, а сто человек... Братья-разбойники и все другие братья в панике бегут... Нет, это здорово!

* * *

Назавтра Константин пришел ко мне, держа на плече какой-то длинный, пестрый, перетянутый проволокой сверток. Вглядевшись, я понял, что это зеленые листья, перемешанные с бумажными обрывками, из которых Костя соорудил нечто вроде толстой колбасы. Я сразу оценил это изделие: бумага все время будет поддерживать огонь, и дым от зелени повалит на наших обидчиков — непрерывный, густой...

Я уже думал, что Константин, имея такое средство, сейчас начнет разрабатывать план операции, но он, сбросив «колбасу», с удивленным и даже, пожалуй, с испуганным видом показал мне какую-то мятую, но старательно разглаженную бумажку.

Это был листок из неизвестного журнала (в поисках бумаги Костя рыскал по всем углам дома), на котором отдельно изображались какие-то гладкие палочки, прямоугольники, обтянутые тонкой бумагой, легкие колесики, вырезанные из картона... Судя по странице — 24-й, — это был конец какого-то иллюстрированного журнала, где обычно помещаются ребусы, загадочные картинки, самоделки. Да, так оно и было:

«С д е л а й с а м» — стояло наверху страницы. Но что же именно сделай? Что получится?

Костя точно понял меня:

— Да переверни ты! — сказал он нетерпеливо.

На обороте листка была изображена какая-то штука, похожая на распростертый и так застывший скелет птицы. Только вместо головы была длинненькая штучка, состоящая из двух лопаточек или, лучше сказать, из двух крошечных теннисных ракеток с обращенными внутрь ручками. Снова взглянув на первую страницу, я догадался, что все те гладкие палочки, картонные колесики и прямоугольники, обтянутые бумагой, которые были там, пошли сюда, на «общий вид» штуки. Но появилось тут и новое: кроме двух ракеток, была еще витая, в виде штопора, резинка, которая неизвестно зачем проходила через всю длину штуки. Хвоста не было.

— Это вроде коробчатого змея! — сказал я не без разочарования. — Видишь, бесхвостый.

Мы знали этих змеев и презирали их. Поднявшись, они почему-то тянулись не вверх, а вдаль, к горизонту. Ниток брали много, а высоты не давали. Кроме того, они были какие-то вялые, неживые — не натягивали, как струну, нитку, не играли хвостом (его начисто не было), не трещали, не «колдовали», не переворачивались — с ними вообще ничего не могло случиться... Это были какие-то дохлые, скучные, унылые существа, неизвестно почему и зачем — хотя и плохо — летающие...

— Я тоже вначале думал, что это коробчатый, — сказал, тараща глаза, Константин, — но

это не коробчатый. Это...— грязным пальцем со сбитым ногтем он показал на какое-то место объяснительного текста, напечатанного около ш т у к и,— это а-а-аэ-ро-план... Аэроплан.

— Назвать можно как угодно,— не сдавался я,— но хвоста-то, как у коробчатого, нет. И палочки, обтянутые бумагой... За что только его привязывают? Где путы?

Костя отсел в угол и, переводя настороженный взгляд с меня на листок из журнала, сказал несмело, не веря своим словам:

— Его не привязывают...

— Как не привязывают?

Константин перешел почему-то на шепот:

— Он без ниток, без пут. Он летит сам!.. Да ты почитай. Тут написано...

Я вскочил, уронив журнальный листок:

— Как — сам? Как — без ниток?..

12. БРОЖЕНИЕ УМОВ

В мире уже поднялся в воздух не легкий «воздушный шар», который сам просился летать, а сооружение из тяжелого, нелетающего дерева и металла. Существовали уже Лилиенталь, Сантос Дюмон, Райт, Фарман, Вуазен, Блерио, Уточкин, Габер-Влынский, Ефимов, Нестеров, совершившие свои отчаянные полеты... Но все это было далеко от нас — в Петербурге, Москве, за границей. Кроме того, это происходило у больших, взрослых людей. Поэтому не было ничего удивительного в том, что не в столичном, а в губернском городе Т — е, не на главной, а на боковой

улице двое малолетних ничего не знали об этом. Они лишь держали журнальный листок, где говорилось о какой-то самоделке с мудреным названием «аэроплан»...

— ...А вот так, без ниток! — повторил Костяка, довольный тем, что и я, как и он, не верю в эту ш т у к у.— Ну, понимаешь, это новый такой змей. Помнишь, был китайский, ну, а это еще другой...

— Да как же он может летать?

— А он заводной.

Ах, заводной!.. Это что-то объясняло. Были заводные паровозы, кареты, даже лошади. И все очень просто: спираль-пружинка раскручивалась на оси колесика, и колесики вертелись, ехали... Да, но вот ехали они по земле, как и вправду паровозы, извозчики, телеги ездят. А тут по воздуху. Ведь воздух — это н и ч е г о! Как же по нему ехать? А потом и колесики-то у этого нового, «заводного» змея были без пружинок.

Костя хотя и читал то, что было в журнальном листке написано вокруг рисунков, но, видно, не все понял: объяснить, как колеса едут по воздуху, он не мог.

Положив смутительный листок на стол и в спешке, в нетерпении сев на один стул, мы с Константином углубились в чтение. Замелькали слова, неизбежные для самоделок: «См. рис. 1-й», «См. «а» на рис. 2-м» и так далее.

Вот оно что! Оказывается, дело не в картонных колесиках — потому-то они и без пружинок,— а в этих сложенных ручками теннисных ракетках. Вот не думали! Это они, крутясь от резинки, как бы ввинчиваются в воздух...

— Про-пел-лер! — как при заучивании, заводя глаза к потолку, повторил Костя.

Да, эти две соединенные ракетки назывались пропеллером и делались очень хитро. «...Надо взять сигарный ящичек,— говорилось в наставлении,— расколоть на узкие дощечки и, смазав клеем, сложить их стопочкой, чуть-чуть разведя концы веером, после чего...»

— Ты видал сигарный ящичек? — спросил Костя.

— Нет... Папа курит папиросы...

— Мой тоже. Сам набивает.

У нас не было не только сигарного ящичка, но и толстой резинки, которая должна была крутить этот самый «пропеллер». Сигарный ящичек был для нас новостью, однако можно было найти человека, который курит сигары и эти ящички — как отец папиросные коробки — выбрасывает. Может быть, есть у генерала, и тогда через Графина Стаканыча можно достать. Но резинка...

Четырехгранная или круглая черная резинка! Легче было найти брильянт на дороге, чем такую резинку. Она существовала в мечтах, во сне и только в одном виде: натянутая на рогатку. Как сильно, как далеко полетит камень! С такой рогаткой не только с братьями-разбойниками можно рассчитаться, но и коршуна в небе подбить... Недалеко, на Воронежской улице, жил один мальчик со странным именем Нега, собственными глазами выдавший черную четырехгранную резинку, которую прошлым летом показывал ему двоюродный брат, приезжавший на каникулы из Москвы. Нега рассказывал, что он не только видел эту восхитительную резинку, но даже будто

бы сам изо всей силы натягивал, растягивал ее... Впрочем, может быть, он и не врал — бывает же счастье!..

Нет, новый, «заводной» змей был для нас несуществим. Мы отложили листок, слезли со стула и тут заметили на полу «колбасу» из зелени и бумаги, которая должна была вызволить из плена капитана Стаканчика, возвратит нам «опытного» змея... Это вернуло мысли Кости к «заводному».

— Подожди! — сказал он. — Чем подниматься на обыкновенном змее, лучше на заводном. Понимаешь, сделать его большим-большим... Ну, громадным...

Мечты всеильны. У нас не было сигарного ящичка и резинки для маленького «заводного», но для большого «заводного» вдруг объявился пропеллер, выструганный, вытесанный Графином Стаканычем из досок, которые столяр заготовил для шкафов; объявилась толстенная — толщиной в руку — черная резина, которую нам специально приготовили на резиновой фабрике. (Здесь Костя подкрепил мечту практическим предложением. «Если фабрика не согласится, можно собрать старые галоши, растворить их в резиновом клее и вытянуть», — сказал он за просто, будто уже не раз и растворял и вытягивал...) Мечта понесла и дальше — к главному: мы летим...

Здесь было столько необыкновенного, столько заманчиво-нерешенного: куда лететь, высоко ли лететь, быстро ли, что брать с собой, кто будет управлять и так далее, — что мы, махая руками, перебивая друг друга, начали настолько

громко говорить, кричать, что в стену застучали. Судя по сильным ударам, я понял, что это папа, и это вернуло нас к действительности...

А в действительности мы увидали Костькину «колбасу» из листьев, вспомнили про братьев-разбойников — надо было делать то, что мы задумали...

13. ДЫМ, КАК НАДЕЖДА

Но вышло не сразу. Мы-то приготовились — помимо Костиной, была связана и для меня вторая «колбаса», — но Вань-петь-гриш с нашим желтым в тот день не показывались.

Мы несколько раз залезали на крышу небратовского дома, откуда была видна Хлебная площадь, но Куредовых со змеем не замечали. Да мы и без крыши увидали бы нашего «опытного»: ветер в тот день шел на нас и братья-разбойники, дразня нас, могли распустить и держать нитку так, что змей-пленник стоял бы над нашими дворами. Летал бы над нами и приговаривал: «И ваш и не ваш!..»

Так и случилось на следующий день. Когда утром после чая я вышел во двор, Костя сидел на корточках, около нашего лаза — дыры в заборе — и, склонив голову, щепкой что-то чертил по земле.

— Видал? — спросил он, не поднимая головы, но каким-то сердитым движением затылка и плеч показывая вверх.

Я посмотрел туда. В розово-золотом свете утреннего солнца летал над нами наш «опытный».

Его тонкая желтая бумага приняла на себя розовый свет утра, но вместе с тем пропускала и голубой, свежий цвет неба. Змей стоял прямо, недвижно, держа выпуклую грудь с легким, изящным, но упрямым наклоном против ветра; мочальные путы его хвоста — широкие, как у всех первостатейных, породистых змеев, — чуть шевелились на ветру... Нельзя было не залюбоваться им. Но нитку от него держали не наши руки... Больно, невозможно было смотреть на него. Может, потому и Константин глядел в землю, царапал ее щепкой...

— Пошли! — хмуро сказал он, бросая щепку, но не поднимая взгляда на того, ради которого мы сейчас отправлялись на опасное дело.

* * *

Мы обошли Хлебную площадь со стороны Фоминской и Троицкой улиц, рассчитав, что так мы выйдем на русло ветра, по которому потечет наш дым на обидчиков.

Большая, мощенная лиловым и серым булыжником площадь была, как всегда в небазарный день, пустынна. Идя по дуге, заходя в тыл неприятелю, мы дошли до крутой Пироговской улицы — самой лучшей улицы города зимой: санки тут летят с бешеной скоростью, даже порой как бы поднимаясь, паря над снежной мостовой. Летом же Пироговская тиха, забыта, лежит в тени садов.

Мы подошли со своими зелеными «колбасами» очень удачно: два белобрых, картофельных брата, занятые нашим «опытным», стояли к

нам спиной; третий же — Гришка — вместе с дружкой Афонькой Дедюлиным, сидя на корточках, возился над каким-то лежащим на земле змеем...

Как мы подошли, они не заметили. Спрятавшись за водоразборную будку, стоящую неподалеку, мы подожгли наши «колбасы». Повалил густой белый дым.

— Во здорово! — воскликнул Костя, сопя носом и отмахиваясь от дыма. — Я говорил...

Тут, в затишье, дым поднялся вверх, и тотчас Костя пропал с моих глаз.

— Мишк, ты где? — испуганно донеслось из белого облака.

Оказывается, и Костя меня тоже не видел. Надо было торопиться, чтобы такой прекрасный дым не пропадал зря. Я поскорее ответил Косте, что нахожусь тут, и вышел из-за будки. За мной следом, так же, как и я, держа перед собой дымящуюся в проволочной перевязке «колбасу», вышел и Костя.

Отворачивая лица, как делают, когда носят поспевшие самовары, мы пробежали вперед по ветру шагов двадцать и бросили наши снаряды на булыжник. Тотчас ветер подхватил дым, и он пополз в сторону Куроедовых. Ничего не подозревающие картофельные братцы и их дружок, находящиеся сейчас от нас шагах в тридцати — сорока, продолжали заниматься своим делом.

Но вот дым... Густой, белый, только что за будкой радовавший нас, он вдруг сейчас, под ветром, низко пополз по земле, словно кто-то невидимый тянул, разворачивал белые полотенца...

Да и разворачивал ненадолго — полотенца эти таяли, исчезали в воздухе, даже не достигнув цели.

— Вперед! — скомандовал Константин и от досады закусил губу. От волнения он уже стал косить.

Мы перенесли наши «колбасы» вперед, но ничего не добились: дым, прижимаемый ветром, не вставал стеной, облаком, в котором безбоязненно могли бы действовать двое храбрецов, а по-прежнему полз, разматывался, расстилался по булыжнику.

Было одно только новое: дым дополз до братьев-разбойников, и они обернулись в нашу сторону. На дым они не обратили внимания, так как на площади после базарных дней часто сжигали мусор. Но, узнав нас, грабители хитро подмигнули на наш увиденный ими змей, а Гришка, самый картофельный из братьев и самый нахальный, выкрикнул:

— Не плачьте, орлы! Все равно не отдадим!

От такой обиды глаза у Кости так перекошились, что ни один из них не смотрел на Гришку, хотя он, конечно, и направлял на него бешеный взгляд.

— А мы и не плачем! — грубо, стараясь быть спокойно-ехидным, проворчал Костя и стал еще сильнее, еще расторопнее шуровать палкой горящие листья и бумагу. Я делал то же самое со своей «колбасой».

Дым все так же не хотел подняться, не хотел скрыть наш замысел. Но бойкая и сосредоточенная наша работа привлекла ребят — может, игра какая! Первым подошел черноглазый, худой, с

болтающимися, как плети, руками Афонька Де-дюлин.

— Это что за штука, ребята? — спросил он, становясь в сторону от дыма.

Константин, не отвечая, еще более темнея, продолжал шуровать топливо, — пожалуй, уже бессмысленно шуровать... Подошел сам Гришка. По дороге он подобрал обломок палки.

— Сами делали? — спросил он, присаживаясь около Костиной связки и палкой подталакивая, взбивая огонь.

Не было уже смысла продолжать: наш дым превратился в какую-то игру. Держа нитку от змея (нашего змея!), подошли и двое других братьев.

— Чего это? — спросили они.

— У кого скорее выгорит! — бойко ответил Гришка.

Он так понял эту «игру». И в самом деле: поскольку Костя лучше меня поддерживал огонь, его «колбаса» почти вся прогорела, и оставшаяся проволока, которой она была обкручена, напоминала остов сгоревшего дирижабля — снимки подобных катастроф мы не раз видели в журналах. Костьке бы, по условию игры, радоваться, но он не поддержал игру, возникшую в воображении Гришки. Он не стал дожидаться конца дыма.

— Пошли! — зло буркнул он мне, от волнения смотря мимо, и дернул свой остов.

— Подожди! Не прогорел... — Гришка палкой пытался попридержать остов.

Но Константин потянул сильнее, и он, дымя, пополз за ним... Костя чуть не плакал. Я шел

следом. И не то ветер послабел, не то я его загораживал, но только дым от моей связки вдруг стал подниматься облаком, стал щипать глаза. «Пораньше бы, дурак,— подумал я,— и не нам щипать, а им».

«Опытный», не чуя нашей позорной неудачи, вилял в небе хвостом. Будь у капитана Стаканчика (если, конечно, он там) подзорная труба, он бы видел нас. Змей сейчас далеко от нас, но его нитка, начало нитки — только пробежать несколько шагов... Но нас было двое, а злодеев четверо...

Костя вдруг остановился, бросил свой проклятый дым и подбежал к ним.

— Отдай, мой! — жалко скривив лицо, жалобно выкрикнул он. — Гришка, отдай!..

Гришка был заводилой, поэтому Костька — к нему. Но и Вань-петь оказались разбойниками не хуже: они скорчили такие нахальные рожи, так быстро и ловко показали восемь шишей — по два на каждой руке (Ванька, чтобы освободить руки для такого случая, схватил нитку от нашего змея зубами), что Гришке незачем было отвечать нам. Он только презрительно повел плечом и повторил свое дурацкое:

— Не плачьте, орлы!

Длиннорукий Афонька-подпевала громко, широко раскрывая рот, захохотал. И он и Гришка тоже показали шиши.

Как это перенести! Как это вытерпеть!.. Бледный, косоглазый Костька поднял кулак.

— Ну, попадись теперь! — выкрикнул он.

И мы пошли прочь, пошли, стараясь изо всех сил идти беспечно, просто...

Это, конечно, была пустая, ходкая угроза. Кому из мальчишек не приходилось и слышать, и выкрикивать ее! Но обычно никто не «попадался»: или забывали, или мирились.

Но сейчас Костя полыхал мстостью: мало того, что утащили «опытного» вместе с капитаном Стаканчиком, еще издеваются! Он строил планы один другого беспощаднее, злее.

...Может, и в самом деле взять у отца дробовое ружье? Да... нет, не в нитку, а прямо в них самих. Можно зарядить крупной солью — вот будут кататься! Тут не посмеешься... А мы им: «Не плачьте, орлы! К вечеру еще хуже щипать будет. Ни сесть, ни лечь!» Можно еще влезть тайком на крышу их дома и, когда братья будут выходить из двери, высыпать на них сверху мешок мелкого песка. И пока они станут протирать глаза, прыгнуть вниз, отнять своего змея... Еще можно достать злую собаку, научить ее бросаться...

Больше всего мне понравился Костькин план с ямой... На Хлебной площади, в том месте, где Куроедовы всегда пускают змея, хорошо бы ночью вырыть глубокую яму, застелить ее листом картона, на котором нарисовать землю, булыжник, травку, чтобы незаметно было... Братья придут, встанут на картон, провалятся. Как фокус: только что были — и теперь нет... Я знал, что этот способ взят Костей из нашей любимой книги «Натуралистическое путешествие» — так ловят на острове Мадагаскар тигров и слонов, — но все равно интересно. Мы стоим над ямой и говорим: «Не плачьте, орлы! Не то еще будет!»

Перебрав все планы, Константин обратился даже к отцу, что он посоветует. Иван Никанорович, сам возившийся с многозарядным ружьем, посочувствовал изобретателям воздушного корабля.

— Но что делать! — сказал он, теребя длинную черную бороду, первую бороду, которую я в те годы видел вблизи. — Не в суд же на них жаловаться. Такое уж ваше малолетнее дело — управляйтесь сами. Они у вас отняли, и вы у них отнимите. Свое ведь берете, не чужое, поэтому тут и двое с четырьмя справятся.

Пока Иван Никанорович утешал и направлял нас, у меня мысли были заняты другим. Как только мы отошли от него, я быстро спросил Костю:

— А что, борода растет каждый день?

— Ты чего?..

— Если каждый, то знаешь, что получится...

И я поделился наблюдениями: если мой отец не побреется два-три дня, то волосы отрастают на толщину спички. Сколько же в неделю, в месяц, в год?..

Костя любил высчитывать, и это его интересовало. Тотчас появился карандаш и даже клетчатая бумага, по которой удобно было отмечать рост волос. И что же — результаты были поразительные. По его подсчетам, за те годы, что он помнит отца — а помнит он его всегда с бородой, — эта борода должна была бы быть, как у Черномора на картинке: переброшена через плечо и вьется за спиной. Близко не подходи — наступишь... Однако у отца не такая борода, и он редко ее подстригает.

— Да, значит, не каждый день растет, — говорит Константин. — То есть каждый день, но не каждый день ровно: чем дальше, тем меньше... А потом, может, и совсем останавливается.

* * *

Наверно, отцовские слова о том, что ты идешь не за чужим, а за своим, повлияли на Костю. Он решил отказаться от всяких хотя и эффектных, но сложных способов и действовать прямо и просто.

На следующий день, как только мы заметили, что Куроедовы запускают нашего желтого, Константин вошел к себе в дом, открыл у темного, старенького буфета средний ящик и, погромев, вытащил оттуда столовый нож с тяжелой металлической ручкой:

— Пошли!

По дороге он рассказал о своем плане: мы подходим, разговариваем с картофельными братьями о том о сем, даже, может, смеемся, а потом Костя быстро хватает из разбойничьих рук нитку, перерезает ее, и мы бежим со змеем. С нашим змеем...

— А еще лучше... — поразмыслив, добавил Константин, — я бегу со змеем, а ты, как арьергард, прикрываешь меня...

Лучше ли это? В связи со столетием войны с Наполеоном появилось много книг и книжечек с картинками, где описывались битвы, стычки. Мы с Костей знали, что такое «арьергард». Знали также и то — во всяком случае, я тут же это вспомнил, — как здорово достается этому вой-

ску... Конечно, будь это неприятель, да на настоящей войне... А вот когда на одного человека навалятся три брата да еще их подпевала-хохотун...

— Лучше я побегу со змеем,— сказал я.— Я быстрее тебя бегаю... А ты, значит... того... задерживай погоню.

Теперь Костя засомневался: лучше ли так будет? Но добавил резонно: пока он станет передавать мне отрезанную нитку, ребята набросятся и могут опять ее захватить. Это-то верно, но ведь могу резать нитку и я...

Над площадью, как ладьи с парусами, стояли три широких, обособленных облака. Их несло на главную улицу — на Киевскую. Это было хорошо: значит, боковой ветер. Если удирать со змеем при попутном ветре, змей станет опускаться, падать; при лобовом, наоборот, он начнет тянуть, забираться вверх, может даже «колдовать»... А при боковом он и не заметит, как передвинется по небу слева направо.

Еще издали мы поняли, что судьба нам благоприятствует: нашего «опытного» держал Ванька Куроедов — самый младший из разбойников. Мало того: готовился к запуску новый змей,— значит, ребята будут заняты, отвлечены...

Здорово было и другое — мы обо всем подумали, кроме одного: под каким предлогом приблизиться к Куроедовым? Просто так после в сего не поверят... А тут замечательный предлог: идем к новому змею. Это обычно. Это заведено. Каждому владельцу нового змея хочется показать его — любой может подойти.

Мы так и подошли прямо к змею, лежащему

на земле. Подошли и... ахнули. Громадный!.. Когда змея подняли с земли, он был куроедовскому Петьке до подбородка, а старшему, Гришке,— по грудь. И красивый: глянцева розовая и голубая бумага шла полосами, попеременно. Пожалуй, похож на матрац, но все равно хорош...

В другое время мы бы присели около него, разглядели бы каждую дранку, каждую нитку на нем... Да я было и присел, но тотчас услышал рядом с собой сердитое сопение Костьки, почувствовал толчок в бок. Я поднялся.

— Во здоровый! Во какой! — с наигранным восхищением воскликнул Константин, отступая несколько назад и влево, как бы для того, чтобы лучше разглядеть нового змея.

По его настороженным глазам я понял маневр: сзади и чуть левее, один, на отшибе, стоял Ванька. Подергивая нитку от нашего «опытного», он обернулся к полосатому, розово-голубому красавцу,— тоже любовался.

— Во какой! Во здоровый! — приговаривал Костька, пятясь и чуть кося глазом на белобрысого, ничего не подозревающего Ваньку.— Такого только на сахарной бечеве пускать!.. Только на сахарной... Только на сахарной...

И вдруг, выхватив нож, подпрыгнув, поймав левой рукой нитку от «опытного», Константин, дико пуча глаза, начал перерезать ее. Широкое лезвие столового ножа, блестя на солнце, скользило вверх-вниз, вверх-вниз...

...Пожалуй, тут уместно сказать о столовых ножах. В каждой семье, как известно, есть единственный острый нож. Он нужен в кухне всегда: им режут мясо, рыбу, хлеб, чистят кар-

тофель, нарезают звездочкой морковь и так далее. В трудных случаях его зовут даже к столу: «Подайте тот ножик!» И все, конечно, знают, что это за «тот ножик». Этот работяга обычно отличается и своим внешним видом: узкое, легкое, сточенное лезвие... И есть другие — так называемые с т о л о в ы е ножи. У них тяжелые, широкие лезвия и толстые ручки — у них вид бездельников. Они и есть бездельники. Они живут в среднем ящике буфета, лениво раскинувшись на подстилке. Два раза в день — к обеду и к ужину — их выкладывают на стол, выкладывают на поругание. «Черт знает что за ножи! — восклицает отец, пытаясь что-нибудь отрезать этим ножом. — Когда же их наточат?»

Костя захватил именно такой нож. Да иначе и не могло быть: «тот ножик» был занят...

Казалось бы, легко перерезать нитку. Да, легко, но все же не этим толстым бездельником из среднего ящика буфета, тем более ненапрянутую, мягкую нитку.

...Побледнев, перекосив лицо, Костя пилит и пилит — вверх-вниз, вверх-вниз...

Нерасторопный разиня Ванька Куроедов вдруг спохватывается:

— Ребята-а!.. Смотри, что-о!.. Петь! Гриш! Афонь! Смотри, что-о!.. — закричал, запричитал он, подпрыгивая и стараясь пинком отогнать налетчика.

Я набрасываюсь на Ваньку, но вдруг вокруг нас темнеет — на булыжной мостовой пляшущие тени, — меня оттаскивают в сторону, слышу, звенит, падая, нож...

Еще миг — и мы позорно, с пустыми руками

отступаем. Да что там отступаем — опрометью, забыв о всяких арьергардах, потирая бока и шеи, бежим через площадь.

Бежим, оставив врагам как трофеем столовый нож...

15. ОПЯТЬ ЦВЕТОЧЕК. ПОХОЖИЕ СЛОВА

Назавтра Мария Харитоновна, мать Кости, хватилась ножа.

Худенькая, остроносая, со светлыми волосами, она напоминала девочку. И эта девочка сейчас чуть не плакала: потерялся ножик... Смешливая по натуре, она сегодня с унылым, озабоченным видом слонялась по квартире. Еще бы! Придет с работы Иван Никанорович, спросит свое обычное: «Ну, а у вас тут какие дела?» — а про такое «дело» как умолчишь? Дом — это не завод, тут и потеря ножа — событие...

Еще вчера, когда мы возвращались с неудачного набега, Костя утешал себя: столовых ножей в буфете много — там и расхожие, и гостевые, пропажу одного не заметят. А оказывается, мать их считает...

— Наверно, она про себя считает! — сказал Костя, стараясь объяснить это свое неведение.

— Конечно, про себя. Не маленькая.

Таиться он не хотел, однако только на третий вопрос матери: «Не брал ли ты куда ножа?» — Константин наконец признался во всем.

— Ну вот, посмотрите! — воскликнула Мария Харитоновна, и вся ее девичья фигурка как

бы наполнилась строгостью, взрослым горем.— Вы только посмотрите! — повторила она, и на переносице появились морщинки.— Отец на заводе спину гнет, а тут ножи по площадям разбрасывают! — Она громко топнула ногой и стала совсем уж взрослой, грозной.— Сейчас же пойд и принеси!..

— Куда же я пойду? — не то возражая, не то горя, что не может принести, загудел Константин.— Что он, лежит, что ли, там!..

Тем не менее он кивнул мне, и мы вышли на улицу. Но пошли, конечно, не на Хлебную площадь, а к нам во двор, чтобы обсудить создавшееся положение. Как быть с ножом? Как быть со змеем? Скоро придет отец, и это не мама — придется отвечать по-настоящему. Но что отвечать? Куроедовы все равно трофеем не отдадут. Останется только одно: вместо рождественского или пасхального подарка, предназначенного Косте, пусть мать купит нож и положит его на место потерянного...

А как со змеем? С воздушным кораблем капитана Стаканчика?.. Все перепробовано, остается разве только яма-западня, как на Мадагаскаре...

Мы сидели у нас в садике, примыкавшем ко двору, и уныло следили за какой-то серой художавенькой птичкой величиной с воробья, которая примеривалась к раннему розовому яблоку: сидя на ветке, она не могла его достать (надо тогда перевеситься вниз головой), а на лету его тоже не клюнешь...

Вдруг в развилке ветвей — над яблоком, над птичкой — вертикально поднялось что-то лег-

кое, мерцающее на солнце. Это было похоже на стрекозу, но не стрекоза — крупнее, и полет не тот: снизу вверх и обратно.

Мы вскочили и замерли. Не прошло и минуты, о н о опять появилось и опять снизу вверх. Теперь о н о было похоже не на стрекозу, а на оторвавшийся от форточки вентилятор, на его лопасти-лопаточки, почему-то вдруг сами по себе поднявшиеся кверху...

Ясно, что все это происходит за забором сада — во дворе лесного склада Бурыгина. И тотчас, точно поднятые ветром, мы взлетели на забор.

И как досадно! Мы-то думали... А это, оказывается, Аленька — маменькин цветочек. В синих брючках, в куцем пиджачке и с новой игрушкой в руках.

Но игрушку мы все же рассмотрели. Просто, но загадочно. На металлическую палочку надевается вентилятор... нет, не вентилятор, а тот самый п р о п е л л е р, что мы видели на рисунке с «заводным» змеем; затем, держась снизу за шарик, Цветочек быстро поднимает пропеллер, и он слетает с палочки... Но слетает не просто, а сильно вращаясь, даже чуть жужжа. И поднимается вверх. Это понятно, что поднимается, но вот отчего он крутится? В «заводном» змее пропеллер вращался от резинки, а здесь отчего?..

Взять бы это у Цветочка да самому попробовать! Но с этим хвастуном и разговаривать не хочется...

Завидев нас на заборе, Аленька порозовел от удовольствия, выпустил галстучек наружу, спесиво надулся и стал, дразня — однако не глядя

на нас,— пускать свою вертушку поближе к забору, поближе к нам...

— Почему он крутится? — вдруг спросил Костя, видимо подумавший о том же, о чем и я.

Я дернул Костю за штанину — спрашивать у этого индюка! Будто мы с ним водимся. Бить его можно, но разговаривать...

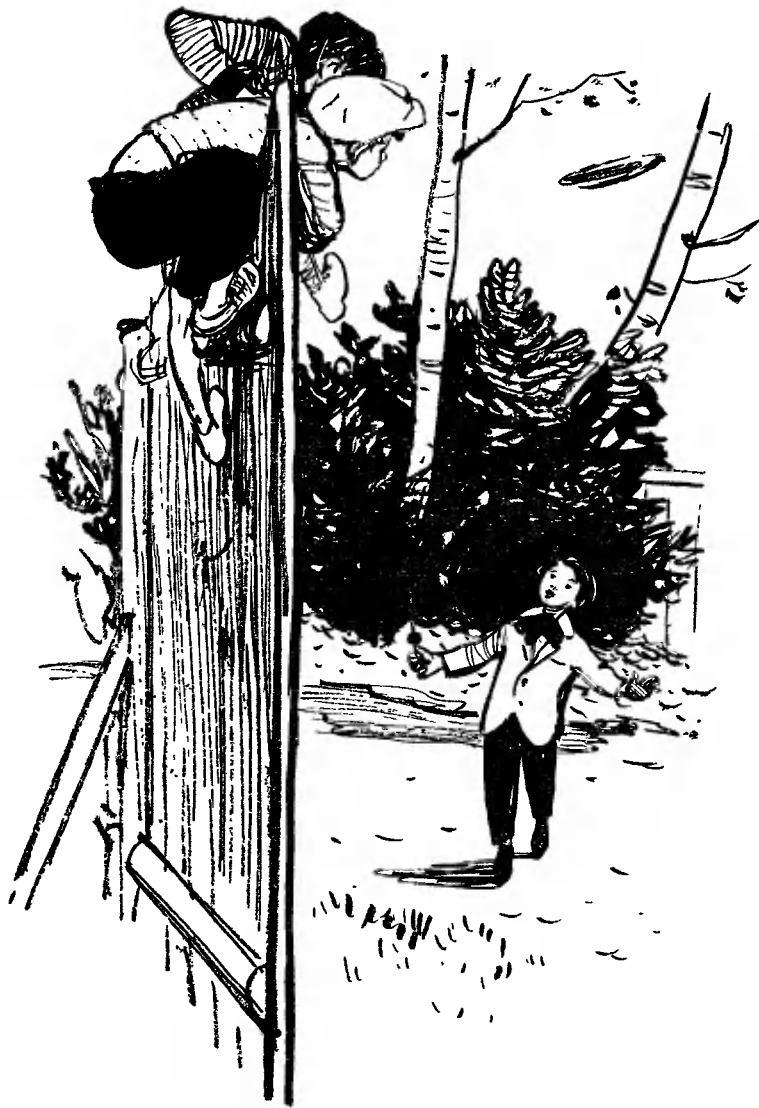
— А вот потому и крутится! — заблеял Цветочек, довольный, что его спрашивают, довольный, что можно поломаться. — Потому и крутится... А вот у тебя нет и не крутится...

Надо бы, конечно, прыгнуть во двор к Бургиным и наподдать Аленьке, но Костя, замороженный вертушкой, не слышал этой дерзости. Пропеллер, снова запущенный Цветочком, чуть отнесло ветром в нашу сторону, и Костя, подняв голову, вперился в него взглядом, стараясь понять тайну его вращения. Опускаясь, пропеллер поравнялся с нами, и Константин даже протянул руку (схватить, рассмотреть!), но не достал. Вертушка упала на двор, и ее тотчас подхватил Цветочек.

— Дай посмотреть,— робко и смиренно попросил Костя.

Это уж было чересчур: у этого субчика что-то просить, унижаться... Я толкнул Константина, чтоб его образумить. В ответ (не мешай!) он толкнул меня. Еще немного, и, может быть, на заборе возникла бы драка, но тут во дворе Бургина появилось новое лицо. Как мы потом узнали, двоюродный брат Цветочка — Сергей Сарычев.

С черного крыльца дома сошел вихлявый черноглазый мальчик в гимназической фуражке,

надетой набекрень. Судя по состоянию этой фуражки — смятые поля, надломленный козырек, — он был не менее как из третьего класса. Видимо, он слышал о том, как Аленька хвалился тут вертушкой, и ему захотелось тоже.

— Вы где учитесь? — спросил он нас, сидящих на заборе. — Наверно, пригото­вишки?

Мы с Костей ответили, что учимся в реальном училище и вовсе не в приготовительном, а во втором классе (мы не уточняли, что только перешли во второй).

— А как у вас выгоняют из класса?

Не зная, куда клонится речь, мы на всякий случай ответили осторожно, кратко:

— Выгоняют за дверь.

— Ну ясно, что за дверь, а не за окно! — Гимназист всохотнул. — А как? Молча?

— Как молча?

— Ну, учитель что-нибудь говорит?

— Конечно, говорит: «Выйди вон!»

— И только?

— Что ж еще?

Мы почувствовали, что гимназист сейчас будет хвалиться: он рассмеялся, подмигнул, какая-то судорога прошла по его вихлявому телу, он от восторга шлепнул Цветочка по спине, на что тот пропищал:

— Сережка дурак! Маме вот скажу-у! Вот скажу...

— Эх, вы!.. Ничего-то не знаете! — блестя черными глазами, воскликнул Сережка Сарычев, обращаясь к нам, к назаборным. — Скукота у вас! А вот у нас учитель Епифанов хватает за шиворот, например Федьку Ландышева, и та-

щит к двери, приговаривая... Вот так хватает и тащит...

Тут гимназист, изловчившись, ухватил себя за воротник и, мелко-мелко переступая, как бы упираясь, двинулся к калитке. Для полной иллюзии он, стараясь удержаться, цеплялся свободной рукой за что попало...

— ...Тащит к двери и приговаривает: «Ландышев... Фиалкин... Незабудкин... Репейников... Чертополохов... Крапивное семя... Пшел вон из класса!» Смех! Меня тоже Епифанов таскает к двери, но без похожих слов. У меня фамилия такая — Сарычев, — ничего из нее не получается. А вот с Володькой Медведенко интересно выходит. — Он вернулся к прежнему месту и опять за шиворот потащил себя, причитая на ходу: — «Медведенко... Волченко... Лошаденко... Собаченко... Бульдоженко... Осленко... Пшел вон!» Или вот Ваську Телегина. — Для разнообразия Сарычев ухватил Цветочка и потащил его. — «Телегин... Каретников... Бричкин... Тарантасов... Турусы на колесах...»

— Пусти-и-и! — завопил Цветочек. — Я вот маме-е...

— Молчи! Не мешай! Сейчас ты Женька Смородинов... «Смородинов... Клубников... Земляников... Крыжовников... Волчьи ягоды... Вот те клюква! Пшел вон из класса!»

Увлечшись, Сергей еще и коленкой наподдал Цветочку. Тот растянулся, но быстро вскочил, отряхнул свой пиджачок и отбежал подальше от двоюродного братца. Сарычев утер рукавом лицо, раскрасневшееся от усилий. Он устал, но не мог остановиться.

— Я тоже могу как Епифанов! — хвастливо воскликнул он. — Как ваши фамилии?

Мы ответили: Небратов и Брусников.

— Ну, Брусников — это все равно что Смоудинов, — сказал Сергей. — Неинтересно. А Небратова можно... — Он поманил к себе Аленьку, но тот, конечно, не подошел. — Ну ладно, без всего! — И, стоя на месте, начал быстро приговаривать: — Небратов... Несестрин... Немамин... Непопин... Недядин... Нететин... Пшел вон! Во! Давай еще фамилию. Любую!..

— Шукин, — сказал я, вспомнив вывеску на Посольской улице.

— Пожалуйста! Шукин... Селедкин... Судачков... Лягушкин... Крокодилов...

Костя перебил гимназиста:

— Нет, у тебя не получается, как у Епифанова, — спокойно, нравоучительно, но, видимо задетый всякими «Нететями», заметил он. — Крокодил не рыба, и лягушка — тоже... «Несестрин» и «Немамин» — тоже плохо.

Сарычев, наверно, не ожидал такого ответа: лицо его вытянулось, губы обидчиво сжались. Чтобы поддержать Костю и добить этого хвастуна, я спросил, вспомнив про Епифанова:

— Это какой Епифанов? Толстый, с длинными волосами?

— Да, толстый, с длинными волосами, — надувшись, ответил Сергей. — А что?

— А то, что у нас в реальном он тоже преподает. Вот что! С третьего класса... Значит, он и нас на будущий год тоже будет выгонять из класса со всякими похожими словами... Во как!

Гимназист был уничтожен. Во всяком случае,

нам казалось так. Однако, стараясь все же одержать верх, Сарычев пробормотал:

— Ну и что же? Вас когда-то еще будет выгонять. После дождика в четверг. А нас он уже выгоняет!..

Он поднял с земли какой-то прут и, пощелкивая им по сапогам, в которые щегольски были заправлены его штаны, насвистывая, видимо чувствуя, что вывернулся, ушел на улицу...

16. РАЗРЫВ

После его ухода Цветочек ожил и опять принялся за свою вертушку. Это был какой-то двор хвастунов: один отхвалился — другой начинает... Цветочка тянуло к этому, наверно, и то, что Костя до прихода гимназиста попросил показать ему вертушку. Еще бы! Все его презирали, а тут вдруг его просят — можно поломаться...

Оживился и Константин. Пока Сережка Сарычев представлял, как им, гимназистам, весело и интересно живет с учителем Епифановым, Костя нет-нет да поглядывал на вертушку в руках Аленьки. Сейчас же он устремил все взоры на нее. Цветочек это почувствовал и запустил вертушку сильно, высоко.

На высоте пропеллер отнесло ветром в нашу сторону, и он, по-стрекозиному мерцая, стал опускаться над забором. Костя быстро сорвал с головы белую кепку и, как бабочку сачком, поймал пропеллер... Снизу, с земли, раздался вопль Цветочка («Ма-аме ска-жу-у!...»), но тут же он и затих: Костя не удержал пойманное, и пропел-

лер, кувыркаясь, как безобидная жестянка, упал к ногам перепугавшегося Цветочка.

Теперь он пускал его подальше от забора, и Костя, помрачнев, сбывчившись, следил за ним, все стараясь постигнуть тайну вращения.

— Ну покажи, отчего он вертится! — просяще и, как мне показалось, противно-унизительно пролепетал он.

— А вот потому и вертится! — опять проблеял Цветочек свою дурацкую приговорку. — А вот у тебя нет и не вертится!..

С кружочками румянца на толстых щеках, в кургузом пиджачке, он был отвратителен... А может быть, потому отвратителен, что Костька, дурак, его просил, унижался, хотя я его и толкал...

— Ну ладно, так и быть, — вдруг милостиво проговорил Цветочек. — Слезай сюда, я тебе покажу. Только один, без Мишки...

Этого еще не доставало! Лезть к Цветочку... Водиться с ним...

— А ну его! — решительно сказал я и, держа Константина за сатиновую рубашку, стал спускаться с забора.

— Отстань!.. — Удар пришелся мне по плечу. Это было не больно, но я оторвался от забора и, перевернувшись, упал к нам в сад.

Когда я вскочил, глянул вверх, Костьки уже не было на заборе. Он был там, у Цветочка.

— Ну ладно же!.. — В бессильном негодовании я застучал в доски забора. — Ладно же!..

Все теперь кончено, дружбе конец! И бежать бы прочь, забыть перебежчика, но щель в заборе манила к себе.

И я увидел: Константин, стоя рядом с Цветочком, держал палочку с нанизанным на нее шариком и пропеллером. Взявшись за шарик, Костя то поднимал пропеллер вверх, то, сбросив вниз шарик, давал ему возможность опуститься. И, поднимаясь и опускаясь, пропеллер вращался на палочке.

...Спустя много лет в прохладной, с высокими потолками лаборатории Н-ской авиационной школы курсант Небратов стоял около сложной ребристо-блестящей конструкции, покоящейся на тяжелой, с пятнами машинного масла деревянной стойке. Впереди конструкции, плотно соединясь с нею, косо стоял в воздухе большой, красивый, покрытый светло-коричневым лаком пропеллер, легкий и могучий одновременно. Все это вместе называлось в и н т о - м о т о р н о й г р у п п о й, и преподаватель с седыми бачками — один из первых русских авиаторов — короткой палочкой-указкой показывал детали ее. Кто знает, может, оттого, что в свое время Костя Небратов держал в руках «винто-моторную группу» Цветочка, сейчас, много лет спустя, курсант Небратов пришел к этой настоящей г р у п п е — к большой, мощной, с тысячью деталей... Нет, не потому, что они похожи — они совсем не были похожи, — но то и другое было из необыкновенно прекрасного в о з д у ш н о г о царства...

Костя, бросив Цветочка, подбежал к щели забора (почему-то он догадался, что я должен быть тут).

— Понимаешь, пропеллер оттого вертится, — кричал он в щель, — что палочка, по кото-

рой он поднимается, вроде штопора!.. Понимаешь? Как длинный штопор!.. Мишк, ты слышишь?! Ты тут?!

Нет, я ничего не слышал и не видел.

Я сорвал здоровенный серо-зеленый лопух и законопатил им щель в заборе: пускай об этом штопоре Костя рассказывает с в о е м у Цветочку...

17. ЛОКОН, ЗОЛОТО, КНИГИ И НЕИЗВЕСТНО...

Нет ничего хуже ссоры. Ходишь один, как собака! И хоть домашние все дома, все равно один.

Что ни делаешь, что ни думаешь, куда ни идешь, а в голове одно: «Поссорились, нет теперь Костьки!» Чего только не вспомнишь из того, когда мы были вместе! Даже вот то, как недавно куроедовские братья гнали нас через площадь. Даже это кажется хорошим, милым — ведь вместе с Костькой...

А ему, наверно, еще тяжелей. Как он теперь один добудет и столовый нож и своего «опытного»? Аленька — маменькин цветочек, конечно, не в счет, этот не поможет: он от дома на три шага боится отойти.

Ходил на Хлебную площадь — может, он там, может, один, без меня, добывает свое... Но нет, его там не было. Видел братьев-разбойников — пускают своего полосатого, как матрац, нового змея. Здоров! С двумя наголовниками и с двумя трещотками. Широкий хвост. Красив!.. И высоко пускали. Интересно, что за нитки? Но Кость-

киного желтого не было. Наверно, отлетелся: поломали, дураки...

Я понимаю, что Костя полез т у д а и остался из-за вертушки. Ну ладно, мало ему «опытного» — пусть еще и вертушка. Но клянчить чего-то у этого индюка!..

На обратной дороге я зашел к Графину Стаканычу. В белом фартуке, в опорках на босу ногу, он отделявал резную настенную полку. Тряпка, сложенная комочком и смоченная чем-то пахучим, бегала туда-сюда, и больше всего по желобкам резьбы, которая изображала распростертое крыло птицы. От белых отсветов фартука доброе голубоглазое лицо Графина Стаканыча казалось молодым.

— Почему один? — спросил столяр.

Я не сразу ответил: говорить или нет?

— Он дома сидит, — сказал я.

В словах моих было что-то не то, и столяр, остановив тряпку на нижнем пере птицы, посмотрел на меня. Под его взглядом я опустил глаза и поднял с пола стружку, завившуюся трубочкой.

— Поссорились, — сказал я.

— Это еще зачем? — И тряпка пустилась полировать нижнее перо.

— Костька к Цветочку перекинулся.

— Это еще зачем?

Я подумал, что Графину Стаканычу не до меня и что свои «это еще зачем?» он повторяет, не слушая, но вот, отложив полку и подойдя к печурке, где у него что-то грелось, он сказал:

— Рассказывай!

Я рассказал обо всем: о Костькиных опытах,

о братьях-разбойниках, о дымовой завесе, о потерянном ноже, о проклятой вертушке.

— Хорош! — Столяр опять принялся за полку. — С кем же он теперь будет добывать змея и нож? Он на тебя надеялся, а ты сбежал-с.

— Как сбежал?

— Ну, вроде как сбежал... Не вовремя поссорился.

— Он сам к Цветочку полез...

Некоторое время столяр работал молча, то склоняясь над полкой, то рассматривая свою полировку издали.

— Я сегодня мамашу куроедовских ребят увижу, — обернувшись ко мне, сказал он, и его только что деловито-сосредоточенное лицо вдруг заулыбалось, заподмигивало, морщинки побежали туда-сюда.

Я привскочил:

— Вот бы ей сказать, чтоб ее ребята отдали Костькиного змея и Костькин нож!

— Ей сейчас не до этого-с. — Графин Стаканыч заподмигивал еще больше, еще насмешливее. — Она клада ждет-с. Ночи не спит.

— Как это ждет? Клад искать надо.

— А так и ждет. Ждет, когда я найду.

У меня перехватило дыхание.

— А вы и... ищите?

— Ищу-с.

Ну, конечно, перед э т и м отступили и змей, и нож, да и сам Костька... Но столяру важнее полка. Слава богу, он ее, кажется, кончает. Вешает на два заранее вбитых гвоздика и отходит, наклоня голову то направо, то налево. Моего нетерпения он будто не видит, не чувствует.

Налюбовавшись, он вытирает ветошью свои небольшие, с тонкими пальцами руки, легко присаживается на стопку досок и вынимает квадратную из-под зубного порошка жестяную коробку. Мы с Костей знаем, что Графин Стаканыч курит не махорку, а по-благородному — табак «Дюбек». Это очень красивый, лимонно-желтого цвета табак, тонко, изящно нарезанный (нам с Костей даже хочется попробовать его на язык), и столяр, когда навеселе, гордится им, некоторым образом отделяет себя от тех, кто курит простецкую махорку; но в трезвом виде, закашлявшись после затяжки, он ворчливо сипит известную приговорку: «Это тот «Дюбек», от которого сам черт убе!»

— Где же ищите?

Я повторяю это уже в третий раз, но пока не задымилась сигарка, Графин Стаканыч только хмыкал про себя, подмигивал.

— В чужом доме ишу...

И столяр рассказал о том, как мадам Куроедова незадачливо продала секретер, или, попросту говоря, небольшой письменный стол, Анфисе Алексеевне Бурыгиной, то есть матери Цветочка.

Стол был уже куплен, уже доставлен на место, и Анфиса Алексеевна — бывшая Светлозарова-Лучезарова — уже пригласила Ефима Степановича подремонтировать, подновить его, как вдруг обнаружилось, что в столе, как во многих старинных секретерах, есть потайной ящичек. Есть-то есть, но как его открыть? Чтоб не ломать голову, столяр по дороге зашел спросить к бывшей владелице — к Куроедовой.

И что же получилось? Вместо ответа полная, белая, картофельная Куроедиха тотчас примчалась к своему столу. Оказывается, она не знала о существовании этого ящичка! Секретер был много лет назад куплен на аукционе и так стоял в доме. Теперь она, конечно, хочет знать, что там есть, в потайном ящике.

Так-то оно так, но, простите, стол уже продан, деньги за него уже уплачены. Что бы ни оказалось в тайнике, то принадлежит уже Анфисе Алексеевне. Ни в коем случае! Мадам Куроедова продавала стол, не зная об этом ящичке. А может, там золото? Брильянты!.. Пожалуйста, возьмите обратно свои семнадцать рублей и отдайте стол и все, что в нем...

Ах, так! А разве это все, если оно там есть, принадлежит Куроедовой? Разве она туда это клала? Нет, нет и нет!

— Я уж не рад, что этот самый... кхх... ящ... — Графин Стаканыч кашляет от своего «Дюбека», — не рад, что ящичек нашел... Они от жадности обе меня торопят: открывай да открывай! А я не бог. Вчера копался, сегодня еще после обеда пойду.

— Как же: вы его нашли, а как открыть, не нашли?

— Это разные вещи. Я промерил в одном месте сверху и изнутри стола — смотрю, лишек получается. Значит, он тут. А вот как к нему добраться? Что нажать? Что отодвинуть? Конечно, можно взять долото и все сразу решить. Но этим пускай барыни мои без меня занимаются. Я не мясник-с.

...Как все сразу! И братья-разбойники, и Ко-

стька, и это! Вот бы попросить Графина Стаканыча взять с собой. Посмотреть, как открывать будут. Может, никто не увидит, не заметит, а я увижу кнопку, зазубринку, волосок какой... Но куда идти? К Цветочку в дом идти? Нет, это пускай Костька туда ходит.

— Ефим Степанович, а вы взяли бы... Ефим Степанович! — говорю, нет, выкрикиваю я, сам пораженный блестящей идеей. — Возьли бы стол сюда, в мастерскую! Тут вам удобнее искать, открывать. И я бы... того... вам помог.

— Да разве... кха-а... — Столяр, морщась, отгоняет от себя ядовитый дым табака. — Разве они мне доверят? Разве они стол от себя отпустят теперь? Ведь купчихи! Невежество!

— А что там лежит?

По спине пробегают мурашки, как при сказке, когда клад уже открыт, когда самоцветы и жемчуга... И жалко, вот как жалко, что нет тут сейчас Константина! Вместе бы сидели, вместе бы спрашивали, вместе — мурашки...

— А кто его знает? — Столяр тушит сигарку. — Разное бывает...

Бросив окурок, он, посерьезнев, опять начинает посматривать на полку с распростертыми крыльями. Вот сейчас поднимется, уйдет...

— Ну что, Ефим Степанович? Что бывает? — Я загораживаю дорогу к полке. — Самоцветы? Алмазы? Да?

Слава богу, не уходит! И по спине опять холод: вот сейчас, сейчас... Вот Костьки нет! Столько знакомы с Графином Стаканычем и не знали, что он клады искал. Да что там искал! Находил, видел...

— Это смотря по семейству.— Столяр берет рубанок и, перевернув его нежно-желтой гладкой стороной, проводит по ней рукой.— У Миклашевских, помню, в большом буре нашли пачку писем, розовой лентой перевязанные, да белокурый локон с детской головки. А у подрядчика Панфунтьева, само собой понятно,— деньги. Золотые пятерки... И не как-нибудь, а по самому по-темному — в шерстяной носок набитые... Все это смотря по человеку... Или вот у Елистратовых сестра попросила открыть... Тяжелый дубовый стол, много ящиков и отделений. Среди них и тайничок спрятался. Открываю — тут уж не локон, но и не деньги, а, оказывается, книги, которых не велено читать. От брата остались.

— Почему же не велено?

— Ну, не велено — и все! — Графин Стаканыч откладывает рубанок, стряхивает пепел с белого фартука и идет к своей полке.

Как мало про клады... И главное, про теперешний, в доме Цветочка. Я поднимаюсь, чтоб уйти, но столяр — добрая душа — вспоминает, с чем я пришел.

— С Константином ты уж сам мирись,— говорит он, примеривая к спинке полки металлические петли,— а Куроедихе, если я ее сегодня увижу, скажу, чтоб ее пацаны нож отдали.

— И змея!

— Ну, змея — это сами добывайте, а столовый нож — это вещь. Из дома вещь.

— Так змей-то какой! Опытный! Для Костьки очень нужный...

— Ну ладно, скажу и про змея.

18. ВЕЧЕРОМ ТОГО ЖЕ ДНЯ

Это было в полдень, а вечером того же дня произошло другое событие.

Забор, разделявший наш и Небратова дворы, был нам с Константином хорошо известен. Не столько забор, сколько дыры в нем. В одну дыру можно было пролезть, в другую — просунуть кулак, яблоко, в третью при осаде забора — пропихнуть камыш или спринцовку и облить осаждающего водой, и так далее. Но была особая щель для наблюдения, неоценимая для «казаков и разбойников», для пряток — тонкая, незаметная, на уровне глаз.

В дни ссоры я старался держаться подальше от забора: и самому не подсматривать, и на случай, если к т о - н и б у д ь наблюдает за мной.

Но тут вдруг потянуло к забору. Конечно, я не просто пошел к нему: так меня могли бы увидеть,— нет, я направился будто в сарай, а потом уж, круто свернув в сторону сада, на крыпчках пошел вдоль забора. Дойдя до узкой щели, я осторожно заглянул в нее и... ничего не увидел. Ну, будто щели и нет! Я чуть отстранился, взгляделся: нет, щель есть. И тут, не знаю, как и почему, вдруг почувствовал: о н з д е с ь ! Это о н смотрит с той стороны и загораживает собой щель... Даже что-то блесит. Глаз?..

Но вот все пропало. Открылась белая узкая, как лезвие ножа, щель. Я прильнул к ней — никого нет, только небратовский дом под зеленой крышей, только худенькая, легкая Мария Харитоновна чего-то возится в садике...

Все понятно! Я бросился вдоль забора к

большой дыре и, нагнувшись, заглянул в нее. Ну, так и есть: Костька в синей рубашке, пригибаясь, таясь, бежит от той щели...

Я его понял. Но какой кремень: стоял около щели — и ни слова!..

В это время меня позвали к вечернему чаю. Сейчас и это — занятие. Раньше глоток, два — и к Костьке: самая игра в сумерках. А теперь сидишь пьешь, будто интересно!

Но это был чай так чай! Вот какой интересный оказался!

Летом мы пьем чай на открытой террасе, выходящей в сад. Папа говорит, что тут чай вкуснее, мама, конечно, с ним соглашается, а нас, детей, понятно, не спрашивают. Вкуснее чай, по-моему, тогда, когда мама, ошибившись, кладет в чашку не только варенье, но и сахар, а где это, в столовой или на веранде, не так уж и важно.

И сегодня пили чай на террасе. Мне и младшему брату налили чай в наши белые, с синими зайцами чашки. Витька недавно чего-то ревел и сейчас, затихая, время от времени шмыгал носом. Чтобы утешить его, я вытащил из кармана и положил около него на скатерть щепотку дробы, которую я сегодня нашел на чердаке в белой банке. Пока флегматичный, неторопливый Витька обратил на нее внимание, папа с другого конца стола спросил:

— Михаил, это что такое?

— Дробь.

Отец у меня доктор и к огнестрельному оружию никогда никакого отношения не имел. Но знал, что дробь оттуда, где стрельба, где выстрелы.

— Сейчас же убери! Выбрось подальше!

И я вижу: взрослый человек, с усами и даже с бородкой (у отца острая, как у художников, бородка под нижней губой), встревожен. Отодвинув чай, встал, смотрит на дробь.

— Пап, так ведь это только дробь. Без пороха. Безопасная.

— Михаил, я тебе что сказал? — Отец не садится, стоит, и указательный палец на правой руке — по скатерти молоточком, молоточком...

— Пап, она взорваться не может.

— Ты слышишь?!

Я небрежно (чтоб показать: «А я вот не боюсь!») смахиваю дробь в подставленную ладонь.

Но тут она взрывается.

Во всяком случае, так кажется. Раздается грохот, и первое, что я вижу, — опрокидываются наши чашки и синие зайцы.

Вскрик мамы, стук отброшенных стульев и ощущение: что-то новое, чужое тут, рядом...

Я вскакиваю, отбегаю. И сразу все ясно: это упал чей-то оборвавшийся змей. Прошлым летом у нас это тоже было, но змей тогда упал в сад на яблоню. И маленький, до колена.

А этот...

А этот!.. Я взвизгиваю, хватаю змея двумя руками — иначе не унести — и, опрокидывая еще не опрокинутые на столе чашки и стаканы (перепуганная мама пытается удержать их), тащу его к забору. Но не утерпеть, кричу еще с полпути:

— Костька! Смотри! Костька! Костька-а!..

— Чего?

Волшебным образом он уже на заборе.

— Ты видишь?

— Вижу.

Как не видеть! Это же полосатый! Это новый куроедовский змей, который мы видели тогда на площади. Гигант, мне по плечо... Но даже не это, не это, а то, что он братьев-разбойниковский! Теперь они у нас попляшут!!

Константин спрыгивает с забора к нам в сад — ссора забыта, — хватая нитку от полосатого, вмиг привычно раскручивает ее, и на лице его не то испуг, не то восторг.

— Восьмерик! — кричит он.

Восьмерик! Легендарный! Только во сне! Десятерик, на котором, по слухам, летает «солдатский» змей, конечно, еще более непостижим, но и этот тоже. В прошлом году мы его издали видели в шорной лавке. Но даже и не приценивались и не просили показать — это такая вещь!..

А тут вот живой, даровой, трофейный!..

Не сговариваясь, по инстинкту змеевиков, мы проворно в четыре руки начинаем «саженками» собирать нитку. Я тяну, а Костька кладет ее на землю — круг за кругом, круг за кругом...

Мы молча, только тяжело сопя, работаем. Нитке просто нет конца, она легла через двор Цветочка и, наверно, дальше и дальше — через другие дворы до Хлебной площади... Протянулась чуть не через полгорода. Неужели у куроедовских ребят нитка оборвалась близко от рук? Какой ужас! Ужас, если бы у нас с Костей так оборвалась, а вот у братьев-разбойников — это замечательно. Лучше не надо...

Костя вдруг спохватывается:

— Сейчас прибегут.

Как это я забыл! Я бросаю нитку — Костька тут и один справится — и хватаю змея, чтобы поскорее его спрятать. Но он же привязан. Нечего и думать разорвать восьмерик — и на четверике-то руки порежешь. Ножик, ножницы — за ними надо бежать. Но мир устроен разумно: во дворе, в саду всегда где-то поблизости есть осколки стекла. Я нагибаюсь, хватаю осколок и долго пилю восьмерик. Ну и ниточка — железная! Как же должен был тянуть змей, чтобы эта проволока оборвалась!

Полосатый красавец спрятан под террасу, вся нитка собрана, лежит в кругах (сматывать на моток будем потом), я даже успеваю представить, как конец восьмерика долго переползал с крыши на крышу, со двора на двор...

Тут раздается стук в калитку. Нет, глухо. Не к нам, во дворе Цветочка. Они думают, что змей упал туда. Это верно, при обрыве не в одну калитку постучать приходится...

Пригнувшись, мы бежим к забору, граничащему с Бурыгиными. Я выхватываю тот уже увядший, потемневший лопух, скрученный в жгут, которым в день ссоры с Костькой я законопатил щель в заборе.

И мы видим в щель: по двору Бурыгина на стук в калитку бежит, сверкая босыми пятками, толстая кухарка Анисья, а затем на черное крыльцо выходит и сама Светлозарова-Лучезарова...

Куроедовские вваливаются целой ватагой — и Вань-петь-гриш, и Афонька, и Борька. Мы слышим, как Анисья сердито отвечает, что «тут ни-

чего не обрывалось и ничего не падало!» Ребята, не слушая или не веря, хотят обойти кухарку, чтобы самим осмотреть двор, но Анисья, разведя толстые руки, загораживает им дорогу, а мадам Бурыгина, сверкая запавшими глазами, театрально показывает им на калитку:

— Пошли вон, скверные мальчишки! Разве можно входить в чужой двор без позволения?

Сзади нее и прячась за ее юбку, вдруг показывается толстоморденький, розовый Цветочек. Он повторяет вслед за матерью:

— Пошли вон, скверные мальчишки!

Ватага уходит, грозя не Анисье, не Бурыгиной, а, как ни удивительно, ни в чем не повинному Аленьке:

— Попадись теперь!

Цветочек вздрагивает, пугливо оглядывается, и я понимаю, о чем он думает: выйдешь без мамы за ворота — и «попадешься». Я смотрю с упреком на Костьку, будто говоря: «И ты мог с таким теленком водиться!» Но он этого не видит, не до этого. Сейчас ватага ворвется к нам, и мы должны тоже, как Анисья, отвечать: «Ничего тут не обрывалось и ничего тут не падало!»

19. НАКОНЕЦ-ТО!

Стук в калитку раздается громовой, нетерпеливый: если не у Бурыгиных, так, значит, здесь змей...

Мы бежим к калитке, и Костька вдруг выпаливает:

— Скажем, что у нас.

Я даже останавливаюсь, хватаю его за руку:

— Как у нас?! Зачем же я змея под веранду? Зачем мы нитки?.. Они же... у нас же... слямзили, а мы...

Константин не отвечает, мы снова бежим, и я вдруг все понимаю.

— Чтоб посмеяться?! Да?! — кричу я ему на ходу. — Скажем: «Не плачьте, орлы», — а полосатого им не отдадим. Да? Пусть теперь попляшут! Да?..

— Нет, отдадим.

Я ускоряю бег — и первый у калитки. Бросаюсь на щеколду, повисаю на ней и выкрикиваю:

— Нет, не отдадим!

— А наш желтый? А Стаканчик? — Костька, тяжело дыша, набычившись, старается оторвать мои руки от щеколды. — А нож?..

Да, нож, это верно. Как ни вертись, Константину за него попадет. Но неужели так все и отдать? И восьмерик?..

Наверно, до куроедовских доходят наши голоса. Они грохают в калитку всеми десятью кулаками и на все голоса вопят:

— Давай открывай!

— Открывай!

— Давай!

Я и забыл, что у нас на калитке цепочка. (В тот год в Т — е это было новостью, и отец завел две цепочки: на калитке и на парадной двери.) А Константин помнил это. Он накидывает цепочку и поднимает щеколду. Калитка открывается на ширину ладони, но и через эту щель врывается гул голосов, а впереди мы видим

разгоряченное и какое-то перекошенное — наверное, от нетерпения — белобрысое лицо Гришки, старшего из Куредовых.

— Скорей открывай! — командует он и калиткой потрясает цепочку.

Крики, раздающиеся за ним, поддерживают его. Вперед проскальзывает длиннорукий Афонька Дедюлин, который проворно, молча, как-то поворовски, сует локоть в щель калитки и, тут же ловко вывернув руку, пы-

тается открыть цепочку. Костька резко ударяет его по пальцам:

— Назад!

И когда рука скрывается и на месте Афоньки опять появляется Гришка, Константин исподлобья, спокойно, однако не скрывая торжества, говорит ему:

— Не плачьте, орлы! Змей у нас. Принесите наше — и тогда отдадим.

— Чего «наше»?

— Какое «наше»?

И Костька невозмутимо объясняет и Гришке и всем, кто виднеется в калитной щели:

— Желтого змея, деревянную фигурку при нем и столовый нож.

Гришка вдруг так косоротится, что и узнать нельзя, тут же показывает что-то на руках, приговаривая:

— А это видел?

Вся закалиточная ватага поднимает рев, дубасит кулаками в калитку, но праздник на нашей улице — пусть стараются! Константин, чтоб поддать жару, кричит в щель:

— Приносите скорее, а то раздумаем! — и закрывает калитку на щеколду.

Кулаки немного еще барабанят, потом стихают. Мы слышим, как голоса отдаляются от калитки, но не пропадают, где-то гудят. В скважину ворот видно: ребята отошли на середину улицы и совещаются. Пока тихо, я говорю Косте:

— Ты слышал, младший Ванька выкрикнул, что наш желтый сломан. Надо бы какой другой, целый потребовать.

— Ничего ты не понимаешь. Это же опытный. Подклеим — полетит.

Сколько этот «опытный» требует жертв!

И все Константин... У него в голове какой-то винтик: повернул его — и вот все по одной дорожке и едет...

Я вижу в щель, как от кучки ребят отделяется Гришка, уже присмиривший, насупленный. Он вразвалку подходит к калитке, несильно ударяет в нее кулаком, будто чувствуя, что мы тут, не ушли, и, сердито глядя в калиточные зеленые доски, спрашивает:

— И нитки отдадите?

Теперь время нам совещаться.

— Сейчас,— говорим мы и тоже отходим в глубь двора.

Неужели отдавать восьмерик?

Только что радовались — и вот...

Но мы с Костей понимаем, что за одного змея, пусть даже и такого большого, красивого, как полосатый, три вещи (змея, стаканчик, нож) нам обратно не получить...

Мы подходим к калитке и, не открывая ее, говорим:

— Половину отдадим.

Гришка, конечно, тут, и он тотчас откликается:

— Почему половину?

Константин объясняет, что мы даем полосатого змея в целом виде, а получаем желтого змея сломанным.

Гришка за калиткой раздражается бранью, но не уходит, начинает торговаться, расхваливать восьмерик, предлагать вместо него моток тройника, наконец доходит до жалких слов о том, что ему попадет от отца (в лавке отца продаются нитки), если он узнает, сколько товара пропало.

Костя садится перед запертой калиткой на чурбачок, лежащий тут же у ворот, и, смотря на Гришкины ступни ног, виднеющиеся в подворотне за калиткой, начинает почему-то отчитывать старшего разбойника материнским, марьхаритоньевским голосом:

— А как змея чужого лямзить — это ты можешь? А как впятером налетать на двоих — это тоже ты можешь? Отец тут не ругается? Да?..

* * *

Вскоре произошел размен: мы отдали полосатого, а получили нашего многострадального «опытного» (с рваным боком и надломленной дранкой), капитана Стаканчика (родного, милого, но захватанного грязными руками) и столовый нож (почему-то чистенький, будто сейчас из буфета). А за несостоявшуюся дымовую завесу, за неравный бой на Хлебной площади, за «Не плачьте, орлы!», а также за то, что «опытный» вернулся из плена пораненным, мы получили половину восьмерика. Нет, эта плата была не маленькой; во всяком случае, братья-разбойники горевали о ней, и Костяке при размене пришлось не раз сказать об орлах, которым не следует плакать.

Так-то так, но все же мы жалели, что вернули полосатого. Такой большой! Такой красивый! Однако хорошо, что в жизни так заведено: если есть обида, то к ней тут же прилагается и утешение. Я сказал Косте:

— А чего вообще в нем хорошего? Такой большой все равно резал бы руки. Да и сам-то он тоже... Полосатый, вроде матраца.

Но во всей этой истории с оборвавшимся змеем было одно, что дороже всякого восьмерика и всякого полосатого, — это то, что мы с Костей, не заметив того, помирились.

20. ЧЕМПИОН ШВЕЦИИ

Наверно, на ночь глядя Костяка долго вертел своего возвращенного из плена змея, потому что потом, как рассказывал, видел сон. Будто летит

на своем «опытном», только большом-большом, и кабинка не с изнанки змея, как у Стаканчика, а впереди — на груди змея. А наверху, у наголовника, приделана «вертушка» Цветочка или, может, тот самый пропеллер от «заводного» змея, что мы видели на уцелевшей странице журнала, — только, конечно, большой-большой...

В общем, все у него смешалось — все, что может летать. Смешалось это и наяву. Когда мы наутро положили желтого «опытного» на пол и сели около него, Костя погрузился в раздумье.

— Может, и тут попробовать пропеллер сделать? — сказал он.

— Ты что? — удивился я. — Разве ты забыл, для чего мы желтого от куроедовских ребят вытягивали? Чтоб смерить змея. Чтоб взвесить Стаканчика.

— Я о потом говорю, когда мы по этому змею, — он постучал по желтому, — настоящего, человеческого змея строить будем...

Ну, потом — это потом, а сейчас мы приступили к ближайшему делу.

Площадь «опытного» смерить было легко, но вот как взвесить Стаканчика? Конечно, не на грубом же пружинном безмене, который в те времена был в каждом доме и на котором перевешивали базарную телятину, масло, творог. Для легкого, деликатного тела капитана, уже отмытого теплой водой, нужны были настоящие весы с разновесом.

После долгих колебаний я отправился в бакалейную лавку А. А. Волкова, у которого мама все покупала для дома. Колебания заключались в том, что не все было доделано. Я должен был по-

дать продавцу завернутую в бумагу деревянную фигурку и сказать: «Мама просила взвесить». Но если бы продавец вдруг спросил: «Зачем взвесить?» — или, еще хуже, развернул бы бумагу, то ни сказать, ни объяснить я ничего не мог: мы с Костей это не придумали.

И вот, как бы с уроком, выученным только наполовину, я пошел в лавку.

На дверях подобных лавок всегда висели так называемые «подвывески» в форме овалов, в отличие от вывески, которая была наверху, над дверью. На одном овале с неизбежным постоянством значилось: «Мыло, свечи, керосин». На другом: «Чай, сахар, кофе». Это было написано, торговала же лавка положительно всем — от шоколадных окаменевших конфет (тогда называвшихся «конфектами») до конской сбруи.

Но случилось ни то ни другое. Продавец взвесил, не спрашивая и не разворачивая, однако когда я брал обратно капитана — от волнения, что ли, — я уронил его в ящик с черносливом, стоявший сбоку прилавка. Все бы ничего, если бы продавец это видел, но он в это время отвернулся к полкам и чего-то там переставлял. Как быть? Лезть в ящик с черносливом — еще что подумают. И продавец подумает, и сам толстый «А. А. Волков», что стоял за конторкой.

— Дяденька! — жалобно сказал я. — Тут это упало... Уронил. Можно взять?

Продавец отошел от полки и заглянул в ящик, где поверх вкусных, сладких черно-блестящих крупных ягод лежал сверточек в бумаге.

— Ну, бери, — сказал он, не понимая, почему я спрашиваю.

Я взял капитана и вышел из лавки. И уж не знаю как, но под боком Стаканчика оказались прижатыми две черносливинки. Это, наверно, братья-разбойники за время плена капитана научили его таким некрасивым манерам. Как бы там ни было, но один чернослив я оставил Костьке и передал ему вместе с записанными на бумажке золотниками — весом Стаканчика.

* * *

Мы высчитали, сколько нужно квадратных дюймов змея, чтобы поднять в воздух один золотник груза. Это было замечательно. Мы даже привскочили. Будь это задачка по арифметике, которую нам задавали зимой в реальном училище, мы бы, конечно, не обрадовались, но здесь все было другое, живое: сейчас вот узнали, сколько надо квадратных дюймов для полета одного золотника, а вот сейчас, вот сию минуту узнаем — сколько для полета одного человека. Да, да, настоящего человека! Меня или Константина.

Но тут получилась осечка: мы не знали нашего веса. Да не только нашего — вообще веса человека. Можно было бы спросить Ивана Никаноровича или моего отца, но они ушли на работу. Узнавать же у наших мам... Нет, тут все же нужен был серьезный расчет: человек ведь полетит, а не кукла, не Стаканчик.

Константин вдруг вскочил:

— Пошли!

— Куда?

— Пошли!

После прохладной комнаты — жара на Нико-

ло-Завальской улице. Каменные плиты тротуара так нагреты, что и через подметку сандалий чувствуются. В конце улицы старая, но недавно побеленная церковь ярко сияет на солнце. За ней, на высоте золотого креста, вьется белый узкий змей, а чуть выше — большой темно-красный. Пока мы бежим, я вижу, как от восходящих воздушных токов нагретого купола темный змей дрожит, меняет очертания, словно это не он сам, а только его отражение в воде.

Мы огибаем трактир Лукьянова, церковь уходит вправо, сворачиваем на Воронежскую и бежим до пересечения с Посольской. Костька хватает меня за руку и останавливает около высокой, кругло-толстой (такой толстой, что за ней человека не видно) афишной тумбы.

Мы обегаем ее, и вот крупные черные буквы:

ЦИРК. ЧЕМПИОНАТ ФРАНЦУЗСКОЙ БОРЬБЫ.

Афиша эта не новая, оставшаяся от весны, но так как летом в Т — е зрелища закрывались, то афиша осталась незаклеенной.

В середине пожелтевшего листа — две жирно-черные картинки-силуэта. На одной коренастый борец, выставив перед другим борцом ногу, старается его повалить. Нам известно, что это такое: до появления в Т — е «чемпионата французской борьбы» это называлось по-простому подножкой, но у борцов это «тур де-анш», что значит «через бедро». На нижней картинке еще интереснее, тут даже страшно: человеку как бы оторывают голову. В самом деле, один борец, плотно стоя на ковре, обернулся к другому спиной и так ловко и сильно захватил и рванул его голову, что

тот взвился в воздух и сейчас, перелетев через нижнего борца, плюхнется лопатками на ковер. Это знаменитый «тур де-тет» («через голову»), любимый болельщиками.

Но Костя показывает не на картинку, а на полуаршинные буквы:

...чемпион мира ВАХТУРОВ (8 пудов)
С чемпионом Европы ЛУРИХОМ (7 пудов).
Вторая пара — решительная схватка до
результата: ЧЕРНАЯ МАСКА (6 пудов) —
чемпион мира ПЕТР КРЫЛОВ (6 пудов)...

Нет, это не то — слишком много! Слишком большие люди. Мы же помним их.

...Когда Вахтуров по утрам прогуливался по главной, Киевской, улице, мы шли за ним следом. Нет, не «на почтительном удалении», как говорят в этих случаях, а в двух-трех шагах позади него. Да это и понятно: идолопоклонники всегда стремятся быть как можно ближе к своему божеству, будь то борец, тенор или (как много позже появившийся) футболист.

И вот, идя позади в двух-трех шагах, мы видели его. Он загораживал нам улицу, будто впереди нас стоял платяной шкаф. Мы восхищались отдельными частями нашего идола: какие ноги, какие руки, какие плечи, какая шея!..

Шея... Шея Вахтурова однажды погубила великана Святогора. Этот прославленный борец приехал среди сезона, и тотчас по Т — е пополз слух о похождениях великана: проходя по Заречью, Святогор шаловливо захлопнул у какого-то дома форточку на втором этаже; с домишками

же одноэтажными он еще более насмешничал — закрывал ладонью дымоход на крыше, и бедные хозяева и постояльцы, чертыхаясь, чихая от дыма, вылетали в окна и в двери...

Появившегося на арене Святогора встретили аплодисментами: он и тут, среди рослых борцов, выглядел очень высоким. Он был худ, костляв, — казалось, что у него много конечностей и мало туловища, как у кузнечика.

Оставшись наедине с Вахтуровым, он повел себя странно: набрасывал кольцо своих рук на шею Вахтурова и дергал на себя. Конечно, такой прием мог позволить себе только великан. И он добился своего: Вахтуров упал, или, как говорят, «перешел в партер». Став около него на колени и все еще продолжая быть высоким, простодушный Святогор стал неторопливо закладывать чемпиону мира страшный, полузапрещенный прием — «двойной нельсон». Его длинные руки-плети прошли под мышками Вахтурова и соединились на его затылке.

Но только на миг. Вахтуров вскинул могучую, как бревно, шею, кольцо святогорских рук лопнуло, разошлось, и тотчас намертво, как клещами, зажав под мышками расцепленные руки противника, чемпион мира тяжело перевернулся на спину. Еще бы не тяжело — он переворачивал и себя и под собой Святогора, плотно прижатого грудью к его спине!

Лопатки великана коснулись ковра. Цирк ахнул. Дородный арбитр в лаковых, с низкими голенищами сапожках и в белой длинной атласной рубаше с желтым шнуром-пояском громким, неестественно четким, чревоушатым голосом,

несколько кокетничая своей осведомленностью, радостно выкрикнул:

— Парадом против «двойного нельсона», приемом «двойного бра руле с партера» победил Вах-х-хту-ров! Пррравильно!..

Весь цирк как эхо отозвался:

— Правильно! Правильно! Правильно!

Больше всего надсаживалась галерка — там, наверно, были те зареченские чихатели и чертыхатели, которых Святогор потревожил дымом...

* * *

— Нет, это очень здоровые! — говорит Костя. — Надо поменьше.

И вот уже внизу афиши, в анонсе на следующий день, мы находим:

**Чемпион Риги АВГУСТ МИКУЛ (5 пудов) —
чемпион Швеции ЖОРЖ ИВАРИ (4¹/₂ пуда).**

Мы останавливаемся на чемпионе Швеции, как на самом легком по весу. Мы его, конечно, помним: его «свечки» всегда приводили в восторг публику... Одна лопатка уже прижата к коврику, дожимают другую, вот-вот сейчас... И вдруг тонкий, стройный Ивари взвывается — взвывается, стоя на голове, вращаясь, как веретено. И уже нет его, уже выскользнул из зажима!

21. ПРОДОЛЖЕНИЕ ОПЫТОВ

Мы возвращаемся домой, держа в уме шведские четыре с половиной пуда. Ну хорошо, это (судя по субтильному среди борцов Ивари), на-

верно, вес среднего, обычного человека, но теперь второй вопрос: сколько же весим мы, я или Костя? Это уж не так трудно. Возьми мы шкафоподобного Вахтурова, было бы мудро подсчитать — неизвестно, сколько мальчиков могут спрятаться в платяном шкафу, — но, имея перед глазами Ивари или (что, пожалуй, то же самое) своих отцов, дядей, высчитать все же легче. Ну все равно как высоконый кубик и кубик пониже.

И вот, прикинув по дверной притолоке рост наших отцов, учтя объем их и жорж-иварийский вес, мы устанавливаем, что в одном взрослом человеке содержится примерно полтора-два мальчика нашего с Костей возраста, то есть, исходя из четырех с половиной пудов на взрослого, каждый из нас весит два с половиной — три пуда. Тотчас это обращается в фунты, фунты — в золотники и помножается на квадратные дюймы. Потом делится на квадратные аршины.

— Это чепуха! — Константин мрачно отворачивается от громадной площади, полученной после этих вычислений, и в раздумье оттягивает пальцами нижнюю губу. — Ведь это что же! Ведь это вроде «Пейте чай Высоцкого».

На Киевской улице, на глухой боковой стене одного трехэтажного дома, висит черно-оранжево-зеленая реклама чая, занимая стену от крыши до земли. Трехэтажное полотнище раскрашенного железа видно на всю улицу... Нет, такого змея, если его кто и построит (не мы, конечно!), то все равно не удержать. Даже солдатам не удержать.

Значит, нам не летать... Константин подав-

лен: столько хлопот, чтоб вернуть «опытного», а все зря...

— Погоди! — Глаза его вдруг светлеют, округляются. — А откуда мы знаем, что наш желтый был как раз для Стаканчика? Может, он ему велик был? Может, этот змей и двух таких Стаканчиков поднял бы! И трех... Это что значит? Это значит, «Пейте чай...» наполовину можно уменьшить. Или в три раза. И все равно он нас поднимет! Понимаешь?

И Константин уже не может остановиться — посидеть, помечтать, как полетим. Нет, скорее к проверке, к делу, к полету!

Он вытаскивает из-под кровати синего, старенького, с белой заплатой на боку змея. Синий в два раза меньше желтого «опытного», и это хорошо. Поднимет ли такой Стаканчика? Костя не делает для капитана кабины или рубки, нет, просто ниткой привязывает его за талию к перекрестию дранок.

Мы выходим на улицу. И что же, синий с заплатой летит!

— Ты видишь? Ты видишь? — Костька смеется от радости. — В два раза меньше, а поднимает! А если еще второго Стаканчика? Тогда это будет в четыре раза...

Второго капитана у нас нет, но есть кусочек кирпича, по весу примерно такой же, как деревянный Стаканчик. Мы засовываем его между подбородком капитана и дранкой, и Стаканчик с расставленными руками, будто балансируя врученной ему тяжестью, отправляется в полет.

Нет, не летит, да как не летит — совсем, словно мы дали держать капитану не осколочек

величиной с половину мизинца, а целый кирпич! Змея нельзя оторвать от земли. Привяжи мы к нитке утюг — и то, пожалуй, лучше было бы. Это загадочно...

— Неправильное распределение тяжести! — говорит Константин откуда-то вычитанную фразу. — Часть груза надо на хвост.

— Как на хвост?

Вместо ответа он отрывает половину мочального хвоста и, отобрав у Стаканчика кирпичинку, привязывает ее к хвосту.

Змей поднимается, раскачивая кирпичинку, как маятник. Летит плохо, тяжело, но все же это не утюг. А на хорошем ветре он, может, и возьмет лучше... Но почему это именно Костька сообразил? Подумаешь!

— Сжульничал — вот и полетел! — говорю я. — Хвост-то наполовину оборвал. А не оборвал бы, и не полетел...

— А зачем нам пустой хвост, что в нем толку? А тут, по крайней мере, у хвоста дело будет, груз будет нести.

— Какой груз?

Костя перестает подергивать нитку, и старый, усталый змей, обрадовавшись, что не надо больше тащить на себе ни капитана, ни кусок кирпича, ложится животом на теплую пыль мостовой.

Константин не знает, что ответить, в то время как мне все более становится ясным, что никакого груза на хвосте того змея, на котором мы полетим, не будет.

— Ну, сделаем две кабины, — наконец говорит Костя. — Одна — наверху, на дранках, а вторая — на хвосте.

Я сразу представляю себя в этой нижней кабине: крутится, вертится — кругом один воздух. Страшно! То ли дело в верхней! Тут и дранки, и путы, и защита от ветра, и не болтает. А ведь хвосты, бывает, и отрываются...

— Только, чур, я в верхней! — быстро говорю я.

— Там посмотрим.

— Нет, не посмотрим! Я в верхней. Я первый сказал!

— Мне ведь управлять надо будет,— подумав, говорит Константин.— А как с хвоста управлять?

Я отламываю от засохшей колен, которая протянулась по нашей Николо-Завальской улице, тяжелый ломоть влажно-вязкой, с металлическим блеском земли и маленькими кусочками начинаю бомбардировать первый попавшийся забор. Это делается и в минуту радости, и горя, и раздумья.

— А как ты будешь управлять? — весело-ехидно спрашиваю я.— Чем? Какой штукой управлять?

Константин, не отвечая, начинает сматывать старого летуна. Стаканчик, лежа на змее, как в лодке-плоскодонке, плывет по пыльной мостовой; сзади, последним, попрыгивая по пыли, тащится осколок кирпича. Да Косте и нечего ответить. И, чтобы доконать «управителя», я добавляю:

— Ведь тот змей-то тоже на привязи будет. Как же управлять? Отцепился от веревки и полетел? Вроде куроедовского, что на террасу упал, да?

Но Константин, пока сматывал змея, приготовил ответ.

— Куроедовский да и всякий змей потому и обрывается, что не может управляться,— говорит он.— Если бы змей мог стать поменьше, то и ветер бы на него меньше давил и нитка бы выдержала, не оборвалась...

— Ты что?! — Я даже отступаю.— Как это поменьше?

— А как паруса на корабле. Если ветер сильный, то часть парусов матросы убирают. Что, не помнишь, что ль, в «Натуралистическом путешествии»?

Против этой много раз читанной и любимой книги, конечно, не возразишь, но все же парус можно сложить или уменьшить, а как же тут? Константин видит на моем лице недоверие и говорит примирительно:

— Это надо еще подумать. Надо к Графину Стаканычу сходить.

Графин Стаканыч, Графин Стаканыч!.. Я и забыл! С этим оборвавшимся куроедовским змеем столько событий за вчерашний и сегодняшний день, что я и забыл...

Быстро, задыхаясь, рассказываю Косте о вчерашнем утреннем разговоре со столяром: о проданном столе, об обнаруженном тайнике, о золоте, о письмах... Нет, не в этом столе, а раньше. А в этом — ничего не известно...

Не сговариваясь, мы молча влетаем в дом, бросаем под кровать змея и бегом, опрометью к Графину Стаканычу... Что же! Что же они нашли там?..

Дома мы его не застали. Он мог быть в трактире, у генеральши, у новых заказчиков. Но мог быть и там, где мы хотели бы, чтобы он был у Бурыгиных, у стола.

Однако как же идти в чужой дом, да еще к этому Цветочку?

— А мы скажем...— Константин оправлял поясок на синей сатиновой рубашке, будто готовясь идти к Бурыгиным.— Да, скажем, что мы не к ним, а к Ефиму Степановичу, к столяру. У нас к нему дело, вот потому и пришли...

Через две-три минуты, тяжело дыша от бега, мы уже входили в распахнутые ворота лесного склада Бурыгина. (Мы нарочно, чтобы не стучаться в калитку, побежали дальним путем — через складские ворота.) Плотный, коренастый хозяин в выгоревшем черном картузе вместе с рабочими, обутыми в лапти мужиками, «кантовал» только что привезенные бревна. Здоровым сосновым колом с содранной нежно-желтой корой он вместе с другими поддевал снизу бревно и, действуя колом, как рычагом, перекачивал бревно на общую кучу.

Мы знаем его: к нему первому мы и все близкие змеевики идем весной за дранками. Долго копаемся в длинной, саженной, связке и, вытянув три штуки, протягиваем Андриану Кузьмичу две копейки. Он по-простецки опускает медяк в карман и машет нам рукой, что значит: «Идите!», потому что всегда хочется вернуться и еще покопаться в связке,— может, там дранки получше отобранных есть.

— Вы чего? — спросил он сейчас, заметя наш спешащий, срочный вид.

— Столяр Ефим Степанович не у вас? — солидно, с озабоченным видом осведомился Костя.

— Там он.— Хозяин махнул рукой на дом и, вытерев картузом пот со лба, опять взялся за сосновый кол.

Вот это замечательно! И Графин Стаканыч тут, и мы идем как бы с разрешения самого хозяина.

Теперь скорее, скорее туда: может, уже выгребают из тайника стола золото, жемчуга, алмазы — все, что полагается в кладе.

Мы подбежали к черному крыльцу бурыгинского дома в тот момент, когда с него сходила толстая, дородная Куроедиха. Мы ее узнали по белесо-картофельному лицу, по льяным волосам, которые были и у ее Вань-петь-гриш. На губах женщины держалась улыбка и было выражение какого-то успокоения, умиротворения: она даже, несмотря на грузность, сошла с крыльца, легко, будто девочка, ступая.

Но демон-искуситель подстерегал ее. Как только она сошла с крыльца, из-за угла дома вынырнула старуха в черном, в рыжую клетку платке. Как потом нам сказал Графин Стаканыч, это была свекровь — мать мужа Куроедихи.

— Ну, что? Что нашли? — нетерпеливо спросила она.

Я и Костька, загороженные кустами палисадника, были в пяти шагах, и мы замерли, ожидая ответа.

— Ах, мама, пустяки! — с улыбкой облегчения отвечала младшая Куроедова.— Я так рада.

А то пришлось бы судиться-рядиться с этой Анфисой...

— Ну, что, что?

— Да так, какой-то рецепт блинчиков с заварным кремом... Желтенькая такая бумажка, в четыре раза сложенная. Какая-то чудачка спрятала.

Под черным в клетку платком блеснули злые глаза.

— А ты и поверила? — криво усмехаясь, проговорила старуха. — Тебе и невдомек, что столяр или эта Анфиса без тебя ночью все обчистили, а бумажку дурацкую подсунили, чтоб глаза отвести? А ты и поверила!

— Ну что вы, мама, говорите! При мне нашли, при мне открывали.

— Это, милая, по второму разу открывали! — с присвистом зашептала старуха. — А по первому обчистили! — Она с пренебрежением чуть оттолкнула невестку от себя. — Ну и дуреха же ты! Позволила какими-то блинчиками глаза себе занавесить.

И невестка вдруг отшатнулась, открыла рот, округлила глаза, замерла — поверила старухе!

Ей-богу, мы с Костькой никогда не думали, что от слов так может меняться человек. Ведь никто Куроедиху не ударил, ничего у нее не отнял, а она, белесо-картофельная, вдруг вся налилась густо-красным, как свекольный сок, цветом. Тут же повернулась и, уже не легко ступая, а стуча козловыми башмаками, взобралась на крыльцо, рванула дверь и скрылась в доме.

Старуха, прислушавшись, снова зашла за угол дома. Мы не знали, что делать. Конечно,

лучше бы следом за младшей Куроедихой — к столу, к Графину Стаканычу, к открытой тайне. И мы уже сделали шаг к крыльцу, но тут внутри дома послышались шум, стук, вскрики, словно туда ворвалась медведица, и справа от нас с треском открылось дальнее окно и выглянула красная, всклопоченная голова Графина Стаканыча.

— Где тут эта старая ведьма? — кричал он, смотря на нас и не видя нас. — Где тут чертовка? Тащите ее сюда!

«Ведьма и чертовка» в это время, затаившись, стояла за углом дома и, слушая выкрики столяра, спокойно, не глядя, обирала в чужом саду куст черной смородины.

Накричавшись, Графин Стаканыч отпрянул от окна, и в глубине комнаты снова раздался его голос. Он отпрянул, а мы — к окну: Графина Стаканыча обижают — нужна наша помощь.

Окно было низкое, и мы, все же встав на цыпочки, увидали все. Среди тесно заставленной комнаты стоял злополучный секретер, который только потому нельзя было спутать с другой мебелью, что трое находящихся в комнате смотрели на него, стучали по нему.

— Да как вы смеете-с такое говорить-с! — кричал Графин Стаканыч и наступал на мамашу наших братьев-разбойников. — Значит, вы мне не верите? Да-с? Значит, я тут без вас вытащил? Да-с? — Маленьким кулачком в рыжих волосиках он стучал по секретеру. — Значит, я обманщик и мошенник?! Да-с? Вы так хотите сказать? Благодарю! Картина-с!

Анфиса Алексеевна, вспоминая свою театральную Светлозарову-Лучезарову, трагически

заламывала руки и протягивала их к пунцовой, растерянной Куроедихе.

— Ну как вы могли подумать?! — восклицала она, сверкая черными глазами. — Ну как вы могли подумать такое?! Как могли?!

Куроедиха, как опоенная, мотала головой, отступала перед столяром и перед Бурьиной, но так ловко отступала, что от секретера не удалялась.

— Не знаю, не знаю... — бормотала она, поводя вокруг ошалелыми глазами. — А только где же ценности? Где же? Блинчики кушайте сами, а мне мое подавайте. Нечего глаза отводить!..

Графин Стаканыч, нагнув голову, словно боядя, ринулся на Куроедиху.

— Значит, я вор, мошенник?! — Голос был визглив, срывался. — Значит, я... Да? Отвечайте!

В его словах мы вдруг услышали слезы, и тотчас, переглянувшись с Костькой и как бы мысленно выкрикнув друг другу: «Наших бьют!», — мы по этому безотказному, воинственному кличу подпрыгнули, схватились за подоконник, быстро подтянувшись, вскочили на окно и, спрыгнув в комнату, тотчас, не сговариваясь, набросились на Куроедиху.

В четыре кулака мы застучали, как стучат в дверь, по ее мягкому, словно подушка, телу, приговаривая:

— Пошла вон! Пошла вон!..

Со взрослыми, тем более с женщинами, мы никогда, конечно, не дрались, но каким-то чутьем поняли, что так, несильно пристукивая, — самый вежливый способ выгнать обидчицу нашего Графина Стаканыча. (Позже Костька говорил,

что неплохо бы было сделать ей «тур де-анш», а еще лучше — «тур де-тет». Но это, конечно, фантазия, это работа для Вахтурова. Попробуй-ка перебросить такую тушу через голову!)

И что же, мы ее действительно выгнали из дому: из комнаты в прихожую, из прихожей на крыльцо. Причем нам мешали. Анфиса Алексеевна с возгласом: «Что это за мальчишки? Что это за мальчишки? Да как вы смеете!» — на секунду, на две своими гибкими надушенными руками оттаскивала нас от Куроедихи. Но оттаскивала кого-нибудь одного — другая же пара рук продолжала в это время, пристукивая, теснить обидчицу.

23. ТРЕХДОЛЬНАЯ ДОЩЕЧКА

Когда мы, разгоряченные, вбежали обратно в комнату, где стоял секретер, около него, сидя на корточках, как ни в чем не бывало возился Графин Стаканыч. Может быть, только его покрасневшая шея говорила о происшедшем.

Мы тут же бросились к нему, к секретеру.

— Где? Где?

В это время на пороге комнаты появилась Анфиса Алексеевна. Она прислонилась к косяку двери и в позе надломленной лилии поднесла руку ко лбу.

— От этой пошлой женщины, — губы у нее страдальчески скривились, — у меня адская мигрень... Скажите, где Аленька? — спросила она, будто чужая в доме.

В это время появился и Аленька, напояжен-

ный, в пиджачке, держа в руке надкусанное зеленое яблоко.

— Господи! — Лилия совсем уж сломалась. — Незрелое яблоко! Что теперь будет?

Она резко вырвала из рук Цветочка яблоко, прищипав ему палец, и он жалобно захныкал, но мать, быстро склонясь, обняла его, стала ласкать и приговаривать:

— Не плачь, миленький! Не плачь, солнышко!

Цветочку бы и замолчать, но он, видимо, решил, что его мало ублажают, и заревел в голос.

Но этот секретер, ужасная мигрень, эта крикливая женщина все как-то сдвинули... И сейчас вместо того, чтобы пуститься еще более утешать Аленьку, Анфиса Алексеевна молча разогнулась, сжала тонкие губы и дала Цветочку подзатыльник — довольно увесистый, хлесткий, совсем не лилейный.

И они вышли из комнаты: он с ревом — впереди, она — сзади.

Это было замечательно! Мы остались одни с Графином Стаканычем, с тайником. Ну где? Где он?

Вначале, конечно, ничего не было заметно: красивое, в резьбе темно-красное дерево — и только. Но вот Графин Стаканыч нажал на угол боковой стороны секретера — на какую-то точку там. Нет, ничего еще не открылось, не щелкнуло, но все же что-то произошло. Столяр показал — иначе бы мы, конечно, и не заметили — внизу угла на толщину спички выдвинулся тонкий медный штифтик. Графин Стаканыч не просто потянул его (это-то, видимо, и было глав-

ной частью секрета тайника), а вначале осторожно поворачивал его...

И вот отскочил кусок темно-красного, с резьбой дерева. Мы с Костей ахнули — так было неожиданно. За этим куском открылся маленький, объемом с небольшую книгу, тайник... Запахло сургучом, пылью. Я быстро мазнул пальцем — и в самом деле пыль. Так вот тут-то и лежали не изумруды и не алмазы, а рецепт для блинчиков.

— Я же говорил, — сказал Графин Стаканыч, — что все смотря по человеку! У каждого свой идол, даже вот и клады. Другому золото интересно уберечь, а вот этой божьей душе — наставление о блинчиках. Покушать, наверно, старушка любила.

Костя меж тем притих. Не слушая рассуждений Графина Стаканыча, не пробуя пальцем пыль веков, он занялся той дощечкой, которая отскочила. Дощечка была не простая — она состояла из трех долей, соединенных с изнанки крошечными навесками, и раздвигалась и складывалась, как ширма. С лицевой стороны ни швов соединения, ни тем более навесок не было заметно. Этому помогала не только идеальная подгонка долей дощечки, но и рисунок резьбы, из-за которого швы вообще исчезали.

Но Костю заинтересовала не эта хитрая ловкость мастера, а вот то, что дощечка из трех долей, то есть то, что покоя веков было в обыкновенной домашней ширме, но чего Константин за малыми своими годами еще не видел, не знал (ширма ни у него, ни у нас дома не было).

— Ты смотри! Смотри! — приговаривал

он. — То большая дощечка, то маленькая! А то средняя. Ведь так и змея можно! Слабый ветер — всего змея расправил; посильнее — одну створку загнул, убрал; а если буря — две створки убрал, и змей на одной летит... Ну прямо как паруса...

— Так у парусов-то матросы стоят! А тут кто будет? — спросил я.

— А тут я буду! Я ж тебе говорил, что из верхней кабины буду управлять. Теперь ясно, как управлять. Ты не верил, а теперь вот понятно: то одну створку закрыл, то две...

Из всего я только услышал: «из верхней кабины». Значит, Костя опять за свое: он наверху, а я буду болтаться на хвосте!

— Нет, в верхней кабине буду я! Я первый сказал!

— Нет, я! — Костя даже пристукнул по секретеру. — Я буду управлять.

— Управляй откуда хочешь, только наверху я!

— Нет, я буду наверху!

Мы и не заметили, как начали орать, кричать друг на друга.

— Вы чего? Вы что? — Графин Стаканыч, выпучив глаза, шелкнул по лбу меня, потом Костю. — Вы где? Вы в чужом доме!

Он остановил нас вовремя. На пороге комнаты появился хозяин — Бурьгин. Сняв свой промасленный картуз, Андриан Кузьмич почему-то на цыпочках прошел к буфету и взял там ломоть черного хлеба. Посматривая на нас, стал жевать. Под его взглядом мы затихли, а Графин Стаканыч, как человек нанятый, наоборот, стал

проявлять рвение, усердие: появилась тряпка, бутылочка с какой-то темной жидкостью, руки пришли в движение.

Нет, это было не грозное явление. Хозяин сам робел в доме. Заслышав шаги жены, Андриан Кузьмич, виновато мигая глазами, вышел поскорее из комнаты... Его все же заметили — со двора донесся голос Светлозаровой-Лучезаровой:

— Андре! Когда я тебя отучу от этой мужицкой привычки есть пустой хлеб! Если не можешь дожидаться обеда, то взял бы сыру, ветчины...

* * *

На обратной дороге Константин, то размахивая руками, то хмуро, исподлобья поглядывая на меня и на Графина Стаканыча, продолжал говорить об управляемом змее. После того как мы с ним решили, что в верхней кабине будем находиться по очереди, я уже более мирно, спокойно слушал эти рассуждения.

А Константин, начиная косить глазами, распекаясь все более и более. Эта трехдольная складывающаяся дощечка от куроедовско-буринского секретера не отпускала его от себя. Он в ней видел не только будущего трехдольного змея, которого, как парус, можно будет увеличить или уменьшить, но и другие нововведения — например, особые пути.

— Понимаете, вдруг такой сильный ветер,— Костя делал испуганные глаза,— что змей даже из одной доли вот-вот заколдует... Что делать? — Он останавливался, держал нас, глаза его блестя. — Очень просто! Из кабины надо выпу-

стить, удлинить, среднюю путу. Что получится? А то и получится, что было у нас с такими путами: змей ложится на воздух. Наголовником вперед ложится, и никакой ветер ему не страшен.

Удивительным было, конечно, не то, что Константин, воодушевившись, махая руками, рассказывал о будущем полете на змее, и не то, что я всему верил, а то, что Графин Стаканыч — человек взрослый, серьезный — довольно внимательно слушал Костю.

— Все может быть, все может быть,— приговаривал столяр.— Почему же человеку и не полететь? Все соответственно надо увеличить — вот и все... Покажи мухе орла — она тоже небось сказала бы: «Нет, такой не полетит! Слишком здоров, черт, тяжел!» А он ничего, летает... Все может быть...— повторял он.

Мы проводили Графина Стаканыча до дому. Навстречу нам из подворотни вылез крошечный желтый щенок с черными ушами. Щенок замал хвостом, настолько коротким и пушистым, что он выглядел шаром.

— Пока суд да дело, вы бы вот для Кутьки,— столяр кивнул на щенка,— полет устроили. Вот и была бы для вас практика-проверка! И восьмерик у вас есть, зря лежит.

Мы даже отпрянули... Это замечательно! Ведь первые знаменитые воздухоплаватели на монгольфьерах тоже сначала поднимали для пробы животных, а потом уж поднимались сами. И беспризорный, ничейный Кутька будет рад! А то шляется от помойки к помойке и ничего не знает, ничего не видит.

Константин и этого змея решил делать научно, то есть исходя из расчетов, полученных после полета Стаканчика. Но при полете не на «опытном» змее, а на меньшем, на синем, — там данные были вернее.

Кутьку взвесили на безмене — взвесили в платке, в узелочке, как бабы вешают творог. И Костя тотчас приступил к вычислениям. Получилось, что змей должен был быть не менее как в полтора листа. Полтора листа! Почти «солдатский»! Впрочем, никто «солдатского» вблизи не видел, — может быть, в нем не два, а три листа. Но дело было не в этом, а в том, что мы-то с Костей до сих пор больше как полулистовых змеев не пускали.

Животами на полу мы лежали у нас в гостиной. Перед нами в виде выкройки были разложены листы газеты, которые показывали, что такое полтора листа — не этой, а цветной, из магазина Юдина — бумаги. Полтора листа! Ну и здоровый! Это больше, чем тот, куроедовский, полосатый.

Костя, измерив выкройку бечевкой, вскочил, примерил бечевку на себе.

— Смотри, до бровей будет. Вот это да! — воскликнул он.

Никто не знал, что это восклицание, как в сказке, трижды повторится за один день...

— Выдержит ли восьмерик? — спросил я.

Мы достали наши трофейные нитки, и нельзя было не залюбоваться ими: крупно крученые, блестящие, предусмотрительно, чтоб не лохма-

тились, навощенные догадливыми братьями-разбойниками. Нет, такие выдержат! (Как выяснилось, в тот раз не было обрыва, а просто куроедовские ребята упустили нитку от своего полосатого.) Восьмерик-то выдержит, а вот руки можно им порезать. Придется мне и Константину просить у наших мам перчатки, которые, как известно, вместе с зимними вещами спрятаны на лето в сундуки.

Кутька был взвешен, накормлен и выстав-

лен за порог, но, как ничейный, он никуда не убежал (дома-то не было) и вскоре через какую-то открытую дверь появился в гостиной. На полу лежали газеты, ножницы, дранки, моток восьмерика. Щенок пошел, конечно, прямо на моток: это шершавое, круглое было ему все же близко, понятно, во всяком случае более понятно, чем, например, ножницы. Мы тотчас отогнали его от мотка: избави бог, перетрет зубами нитку, и тогда змей... Да нет, сам же Кутька вместе со змеем оборвется в воздухе. Кроме того, каждую минуту могла войти мама, и поднялся бы шум по поводу уличных собак, которых пускают в дом.

Я взял Кутьку за мягкий, в нежных складках шиворот и понес к угловому, открытому на улицу окну: там была приступочка на фундаменте дома, с которой Кутька легко бы спрыгнул на тротуар. Еще подходя к окну, я заметил, как по Николо-Завальской, тяжело дыша, пронеслись двое ребят. Когда я спустил Кутьку на приступочку, то увидел нашего одноклассника с Пироговской улицы Женьку Лопухина, бегущего вместе с толстеньким братишкой. Тот отставал, хныкал:

— Жень... Же... Же...

Следом, уже по мостовой, целая ватага — курьедовские ребята с дружками. И все бегом, опрометью. Младший из братьев, Ванька, бежал ближе к нашему тротуару, и я крикнул ему:

— Вань! Куда? Чего?

Он широко раскрыл руки, сделал испуганные глаза и пробормотал на ходу:

— Змей...

Костя был уже рядом у окна и все видел.

— Наверно, «солдатский» оборвался...

Нас вынесло как ветром. Брошены были выкройки, дранки, моток, и мы через то же окно, через которое высаживали Кутьку, выпрыгнули на улицу и понеслись туда, куда все бежали...

* * *

Мы мчались окрыленные — сейчас вот увидим, увидим, какой он! Такой змей — и упадет не на улице, а в поле, за городом. И понятно, что все городские змеевики переполошились. На бегу мы оглянулись — вон сколько следом!

Был уже конец Никитской улицы — дома становились все ниже и ниже, и стояли они реже: не только с палисадниками, но уже и с огородами. Вот и конец домам — показалось поле.

Здесь мы догнали Гришку — главного из Вань-петь-гриш. Тут уж, конечно, было не до прошлых раздоров и угроз («Ну, попадись теперь!») — такое дело.

— Куда оборвался? Куда бежим? — запросто, как своему, выкрикнул на бегу Костя.

И Гришка тоже, как своему:

— Чего оборвался?

— Ну, «солдатский»...

— Ничего не «солдатский»! — Гришка скорчил гримасу, но не злую. — Тетеря! — тоже злобно выкрикнул он. — «Солдатский» на месте, а это студенты на телеге змея повезли! Понимаешь? На телеге!

И, прибавив ходу, умчался вперед.

Какие студенты? И почему на телеге? Что же, очень большой змей или очень тяжелый?

Через несколько минут все стало ясно. Ноги вынесли на загородный простор. По сторонам от

дороги показались трава, белые ромашки, лиловые колокольчики, а слева, впереди, какая-то широкая квадратная кучка людей, стоящая среди поля. Они смотрели вниз, на траву, и стояли как бы ограждением вокруг чего-то. Тут же не-вдалеке действительно находилась и телега с уже распряженной лошастью.

Когда мы с Костей протискались сквозь скопище людей, увидали то, вокруг чего все стояли.

Он лежал лицом вниз, показывая могучие дранки. Нет, это, конечно, были не дранки, а тесовые брусья в два-три пальца толщиной. И вместо бумаги был серый, сшитый полотнищами холст. Из-под мощного, как корабельная снасть, наголовника выглядывали по углам веревки.

Да, это была уже не нитка, не шпагат, не сахарная бечева и не легендарный десятерик, а веревка — ну, та веревка, на которую вешают белье, в палец толщиной. Толще этого ничего уж больше не было — дальше шли морские канаты. Удивительно было и то, что такую бельевую веревку мы ранее видели только в коротких отрезках: от забора до дерева на дворе, от дерева до сарая. А тут этой веревки был целый тяжелый бунт.

Но Костю занимала не веревка, а змей.

— Вот и мы бы такой! — Костя, кивая на змея, мечтательно вздохнул. — Вот и нам бы...

Меж тем происходило приготовление к запуску змея-гиганта.

Два студента в коротких белых кителях с золотыми пуговицами обухом топора косо вбивали деревянный кол в землю. Один вбивал, другой

же покачивал кол: не мелко ли входит? Третий, коренастый студент с черно-лохматыми волосами, держа на руке бунт веревки и мелко семеня ногами, бежал к колу, ловко, без заминки снимая с руки веревку — ровно, кольцо за кольцом.

Затем они втроем примотали конец веревки к колу, подергали, крепко ли, не выдернет ли кол, и с озабоченным видом, стараясь не смотреть на восторженно-благоговейные лица ребят-змеевиков, но, конечно, чувствуя их и втайне радуясь производимому эффекту, пошли к змею.

Здесь были еще два студента: один в кителе, другой в белой рубашке, но похожие друг на друга: оба длиннотелые, с одинаковыми рыжеватыми усиками. Присев на корточки по верхним углам змея, по концам наголовника, они держали лежащего змея, так сказать, под уздцы. Так буйного жеребца выводят из конюшни на растянутых поводьях сразу два конюха.

И это было правильно: пока все приготовления не сделаны, змей, чтобы не взмыл, не стал под ветер, должен быть прижат к земле. И хотя нам с Костей, как и всем наверно, хотелось поскорее увидеть личную сторону — что там? — мы понимали, что змея надо держать у земли.

25. «ВОТ ЭТО ДА!»

(Продолжение)

Но вот все, кажется, готово. Три студента (двое продолжали держать парусинового гиганта) со строгими или, пожалуй, с отчаянными лицами стали надевать перчатки...

Толпа ребят расступилась, отошла от змея, от веревки, протянутой к далекому колу...

Студенты в перчатках взялись за веревку недалеко от змея. Черно-лохматый оглянулся назад, как бы проверяя, тут ли ветер, и в полной тишине негромко выкрикнул:

— Давайте! Не сразу...

Тотчас студенты-близнецы начали медленно приподыматься с земли, крепко и настороженно — каждую секунду ожидая удара ветра, — держа змея за верхние углы. Выпрямившись, они стали поднимать углы змея уже вытянутыми над головой руками.

И тут ветер сам доделал: парусиновый гигант вдруг откинулся, стал стоймя, во всей красе.

— Вот это да! — воскликнул Костя второй раз за день. — Это не то что для Кутьки!

Было от чего ахнуть. Сейчас когда он стоял во весь рост, его конюхи — студенты с усиками — приходились ему по поясу, до половины высоты. Если сравнить, то змей в вышину был со стену одноэтажного дома, в ширину же, как и полагалось, — в полтора раза уже. Дотошный Костька, видимо, решил уточнить. Он вырвался вперед и, прежде чем кто-либо успел ему помешать, прошел перед змеем, отмеривая шаги.

— Эй, гоните этого! — слышалось от студентов в перчатках.

И тотчас от одного из тех, что с усиками, Костька получил легкий подзатыльник.

— Четыре с половиной шага! — озабоченно почтительно проговорил он, подбегая и опять становясь рядом со мной.

Однако отчего же он не летит?.. Теперь, ока-

зывается, командовали длиннолицые близнецы. Когда змей встал во весь рост и когда веревка от него до троих студентов натянулась, один из рыжеусых не без тревоги в голосе быстро скомандовал:

— Приготовиться!.. Вынимаем!

Да, студенты действовали с толком. Мы увидели, что змей предусмотрительно был внизу привязан к двум колышкам. Близнецы опять сидели на корточках, но теперь уже у подножия змея.

Колышки разом выдернуты.

И он взмыл...

С шумом, с каким развернутый парус принимает ветер, змей-гигант поднялся. Поднялся невысоко — на высоту телеграфного столба, — веревки пока ему больше не давали. И, может быть, оттого, что невысоко, казалось, что он закрыл полнеба, будто даже потемнело.

— Смотри, хвост! — выкрикнул кто-то из ребят.

Мы и забыли про него. То есть даже не видели, занятые громадностью змея. Сейчас же глядели только на него: толстый, как удав, он поднимался с земли круг за кругом, и, когда змей был выше телеграфного столба, конец хвоста еще елозил по земле.

— Давай!

У студентов все было разучено. Двое с усиками, освободившись от змея, тотчас побежали вдоль веревки и встали шагах в сорока позади первой тройки, державшей змея. Они надели перчатки, взяли за веревку и, заранее уже упираясь ногами в землю, крикнули это «давай».

Тройка веревку выпустила, она дернулась, косо поднялась вверх, и с нею вместе, но еще на большую высоту, поднялся и змей. Хвост оторвался от земли. Студенты, выпустившие веревку, не стали медлить, тоже побежали назад и, став позади близнецов шагах в сорока — пятидесяти, перехватили веревку.

Потом это повторили близнецы, затем опять тройка, пока так, пятась задом, они не дошли до кола, до конца веревки.

Теперь можно отдохнуть...

Студенты с серьезными, но счастливыми лицами сели около кола, сняли жаркие для лета перчатки и носовыми платками вытирали пот с лица, с рук. Вытирали, поглядывая на него...

А он стоял в небе, не высоко, но и не низко, примерно на пять телеграфных столбов (наших измерительных единиц), тяжело покачиваясь из стороны в сторону и чуть виляя своим могучим хвостом, на конце которого, чувствовалось, было привязано что-то грузное.

И тут в минуту затишья обнаружилось новое и на небе и на земле.

Занятые размером, взлетом такого змея, мы только сейчас обратили внимание, что на нем что-то написано (возможно, это была привычка: и мы и ребята иной раз клеили змея из афиш, но не замечали ни букв, ни слов).

— Смотри! — воскликнул Костя. — А тут нарочно написано.

Да, конечно, нарочно! Ни одно слово, как бывало на афишах, не обрывалось где попало. Темно-красные буквы шли по низу полотнища, свободному от веревочных пут:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна...

— Это из Пушкина! — сказал Костя.

— А зачем? Лучше бы, как обыкновенно, — сердце и уголки... Представляешь, какое бы тут было сердце! С бочонок! Во!

Я развел руками и здесь увидел, что и на земле было новое, не замеченное ранее. Во-первых, народу на поле было гораздо больше, чем показалось вначале: может быть, подбежали потом. Во-вторых, были не только ребята, но и взрослые. Даже стояли в стороне три извозчичьи пролетки с седоками, которые, не сходя с экипажа, наблюдали за змеем. К одной из пролеток подбежал студент в белом кителе, который недавно вбивал кол, и что-то, показывая на змея, объяснял старику в чесучовом костюме и даме в лиловой накидке.

К нашему удивлению, около четвертой, стоявшей особняком, не извозчичьей пролетки с мордатым кучером мы заметили Графина Стаканыча. Он что-то почтительно говорил полной старой женщине в кремовой кружевной пелеринке и в шляпе с черными кружевами на седых волосах. Мы тотчас помчались к нему, чтобы поделиться впечатлениями о змее.

— Может быть, он студентов попросит!.. — выкрикивал Костя на бегу. — Попросит, чтоб полетать... Попробовать... Как мы хотели...

Графин Стаканыч, оставив важную старуху в кружевах, направился к колу, к привязи змея, где сидели студенты. На полдороге мы перехватили его.

— Вы видели, как его привезли? Видели, как его к земле прижимали? — затараторили мы. — Вы видели, как он поднимался? Как тянул?

Графин Стаканыч ответил, что все это он видел, но издалека, так как только что пришел. Оказывается, его перехватила на улице сидевшая уже в экипаже генеральша Таисия Тихоновна (он кивнул на женщину в кружевах) и попросила поспешить на поле: может быть, будет нужна его помощь студентам, среди которых находился и ее племянник.

— Это та, которая ножки у кресла, да? — почему-то шепотом спросил Костя. И я тотчас вспомнил весеннюю историю о превращении кресла ампира в жабу — благословенную историю, которая нас познакомила, сблизила с нашим Графином Стаканычем...

Столяр сделал строгие глаза, будто генеральша могла нас услышать, но тут же по-обычному заулыбался, заподмигивал.

— А сейчас они гnevаться изволят-с на племянника! — сказал он доверительно. — Зачем-с написали на змее какие-то зажигательные слова! К себе племянника требуют.

Он говорил с нами, как со взрослыми, но мы были полны своим.

— Ефим Степаныч! Ефим Степаныч! — Костя, отбросив свою обычную угрюмость, сдержанность, пританцовывал на траве. — Раз вы к студентам идете, попросите их... ну, попросите, чтобы полетать! Хоть немножко! Хоть невысоко!..

— Да что вы, ребята! Да что вы! — Графин Стаканыч на ходу отмахивался. — Что вы, разве котят? К хвосту вас, что ли, привязать?

— Вы только скажите, вы только начните, а я дальше сам...

Графин Стаканыч сделал неопределенный жест: не то да, не то нет. Во всяком случае, Костя обрадовался.

Но мне было уже не до этого: справа от нас послышались крики, смех, и я увидел кружок ребят, в середине которого хлопотал тот вихлявый гимназист, Сережка Сарычев, который во дворе у Цветочка хвастался одним своим учителем. Видимо, и тут играли в этого учителя. Сережка, схватив за шиворот какого-то мальчишку, ташил его от края круга до другого края, приговаривая:

— Сосенко... Березенко... Осиненко... Дубенко... Дубиненко... Стоеросенко... — И, толкнув за круг: — Пшел вон из класса!

Вывхватив из круга младшего Куроедова, Ваньку, и спросив у него фамилию, потащил:

— Куроедов... Курослепов... Курам-на-смех...

Костя торопил Графина Стаканыча, который тоже было остановился посмотреть на игру.

Мы подошли к студентам, и столяр, обратясь к одному из рыжеусых близнецов (как оказалось потом, они не были братьями), передал, что «тетечка просят вас к себе». Затем посмотрел на черно-лохматого студента, в котором он признал старшего всей этой компании.

— Тут вот, господин студент, — сказал он без почтения, — один молодой человек желает-с к вам обратиться, — и подтолкнул вперед Костю.

Костя, конечно, оробел. Нахмурившись и начав от волнения косить глазами, он, запинаясь, пролепетал о своем желании.

— Нет, брат, свалишься оттуда, — просто

сказал студент, нисколько не удивляясь предложению мальчика. — Ведь там держаться-то не за что. Все гладко.

Это было так очевидно и убедительно, что не только другие студенты снисходительно улыбнулись, но и Графин Стаканыч поддакнул: «Совершенно верно-с!» Но они не знали Костьки — у того это было обдуманно.

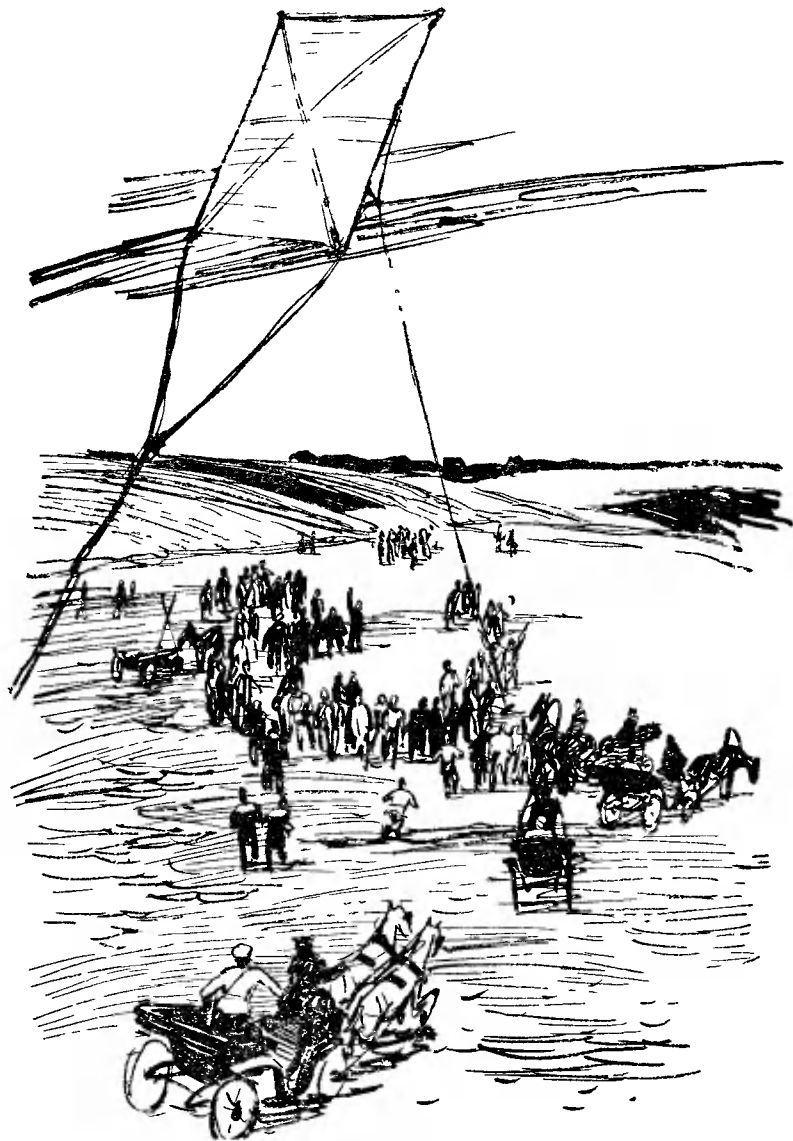
— Сейчас там гладко, — торопливо и уже менее робея, проговорил он, — а можно в одну секунду веревочные петли. Да, на дранках веревочные петли сделать, на которые я встану. Вот и все. Ногами — в петли, а руками за веревку от срединных пут, что наизнанку выходят.

— Да ты, я вижу, авиатор, — сказал черный студент. — Прямо Габер-Влынский или Уточкин! Все обмозговал... Кроме одного: если расшибешься, то всех нас пятерых — в тюрьму. Ну как, идет? Согласен?

— Ну, немножко... Ну, на минутку... Ну, невысоко! — угрюмо зачастил Константин. — Ну, чуть-чуть, только попробовать...

...А он стоял в небе не колеблясь, — мы никогда еще не видали такого неподвижного змея. Был, наверно, какой-то физический закон — тот же, что и для кораблей, — волна катает лодку с гребня на гребень и безмолвствует перед дредноутом. В самом деле, чем меньше змей, тем он вертлявей. Помню, клеили величиной с ладонь — он вилял, извивался, как дождевой червь.

Нет, этот воздушный дредноут стоял не двигаясь, натянув бельевую веревку так, что на ощупь она казалась чем-то несгибаемым — палкой, железным прутком. Солнце освещало змея

прямым светом, и были видны проступающие сквозь серое полотно могучие тесовые дранки. За змеем лежало уходящее дождевое, так и не пролившееся облако серо-песчаного, как выгоревшая фуражка, цвета. Порой оно сливалось по тону с полотняным змеем, и тогда темно-красные буквы надписи: «Товарищ, верь: взойдет...» — казались написанными на самом облаке.

...Нет, конечно, студенты не пустили Костьку «попробовать». Да им сейчас было и не до этого. Несмотря на то что змей продолжал стоять неподвижно, дождевое облако, хотя и уходящее, видимо, потянуло за собой ветер, и в недвижающемся змее-гиганте возникли какие-то новые силы, которые почувствовались не на нем и не на веревке, и так уже натянутой до твердости, а на колу, вбитом в землю.

Пока Константин канючил о своем «немножко», я шагнул поближе к колу и заметил то, чем были обеспокоены студенты.

Кол поскрипывал, чуть пошатывался, налегая на землю впереди себя и тем самым расширяя позади темное влажное отверстие, в которое он был вбит и которое из круглого, как сечение кола, обращалось на глазах в овально-продолговатое. Порошок сухой земли от шевеления кола струйкой сыпался в этот овал, и, может, это незначительное, пустычное более всего говорило об угрожающем положении.

Один из студентов взялся за топор и начал вбивать кол глубже; двое других, надев снова перчатки, схватились за веревку и по команде четвертого, лохматого студента, присевшего около завязи веревки на колу, стали натягивать

веревку, чтобы дать возможность лохматому опустить узел на колу к самой земле — так будет прочнее. Но веревка в руках двух студентов не давалась, не хотела из палкообразного состояния переходить в веревкообразное. Тут пожалели об одном из рыжеусых, которого отозвала тетка.

Впрочем, все уладилось: забивавший кол подбежал к веревке, и втроем, напыжившись, студенты «сломали» ее: теперь, начиная от их рук и до кола веревка опять стала мягкой, податливой — ну, обычной веревкой, — и черноволосый студент, обстукивая топорischem, опустил узел к самому подножию кола.

26. «ВОТ ЭТО ДА!»

(Окончание)

В это время послышался всхрап лошади и притворно-грозный выкрик лихача:

— Бере-е-гись!

Но это был не лихач с Киевской, а приехал на паре белых лошадей пристав Овчинников.

Толпа раздалась, и щегольская пролетка, так сияя черным лаком, что он местами казался белым, медленно подъехала к колу с привязанным змеем. Овчинников — статный, красивый мужчина с каштановой бородкой, которого портили какие-то остановившиеся, немигающие глаза, — держась за голубую бархатную петлю внизу козел, откинувшись, картинно стоял в пролетке.

Видимо, верные люди уже прочли и доложили о том, что было написано на змее, поэтому Ов-

чинников не очень вглядывался в парящие над землей слова.

— Эт-то что? — крикнул он.

Студенты, невольно одернув кители и даже успев их застегнуть на одну-две пуговицы, стояли, однако, довольно свободно, небрежно: они теперь — как бы петербургские, московские люди, а это оказалось какое-то местное светило. Вперед выдвинулся черноволосый студент, тоже несколько пригладивший свои лохмы.

— Это большой змей,— спокойно сказал он и, поведя по своим дружкам серьезным взглядом (может быть, чересчур серьезным), вдруг перешел на лекторский тон: — Родина змея — Китай! Еще примерно две тысячи лет назад, во время Циньской династии, при императоре Цинь Ши-хуанди, мы уже находим...

— Молчать! — гаркнул пристав, и его немигающие глаза порозовели.— Я спрашиваю не о змее, а о надписи.— И вдруг, не слушая никаких ответов, стал орать, как в припадке: — Какой такой «товарищ»?! Никакой не «товарищ»! Никому не «верь»! И никакая не «звезда» никуда не «взойдет»! И никакого «счастья»! И «Россия» никуда и ни от чего не «воспрянет»!..— Выбросил руку в белой перчатке с выпущенным большим пальцем: — Снять! Убрать! Исчезнуть!

Бывают такие незаметные герои, которыми становятся не по своей воле. Таким оказался молодой кучер с павлиньим пером на плоской плисовой шапке, который привез Овчинникова. Заметив непорядок в упряжке, он, пока суд да дело, слез с козел и подошел к левой белой лошади, чтобы поправить завернувшуюся шлею. И он

поправлял ее, слушая, как орет «сам». Но так как Овчинников при нем часто кого-нибудь распекал, разносил, и всегда громко, зычно, то он уже привык к этому и плохо слушал.

Он слушал еще и потому плохо, что уловил в воздухе какой-то звук, похожий на работающую швейную машину, и заинтересовался им. Звук был не сильный, но мерный, его заглушал рев «самого». Кучер повел вокруг глазами — но нет, конечно, никто не шил на машине.

Но как только пристав перестал кричать: «Снять! Убрать! Исчезнуть!», стрекочущий звук швейной машины в наступившей тишине вдруг раздался громко, отчетливо и над самой головой. И тут все увидели: из белого курчавого облака вынырнул темный крестообразный предмет.

Белые лошади, не чувствуя вожжей, руки кучера, испуганно всхрапнули. Страшно, как при прыжке, присев на толстые свои крупы, они вдруг рванулись и понесли пролетку по полю. Овчинников, качнувшись, задрав каштановую бородку, упал на сиденье, но рука, зажатая в голубой бархатной петле, тянула его обратно. Он сполз с сиденья...

Впрочем, последнее можно было только угадывать: пыль, поднятая от колес и от копыт, заволокла пролетку, и она исчезла. Некоторое время на солнечно-мутном фоне пыли бежала следом и махала руками черная фигурка кучера, но потом и она пропала.

Подвернувшийся Сережка Сарычев выкрикнул, передразнивая:

— Снять! Убрать! Исчезнуть! Выбросить! Провалиться! Сгинуть! Пшел вон из класса!

Было действительно смешно: змей стоял в небе, как и стоял, а приказавший ему исчезнуть исчез сам...

* * *

Все это восстановилось в памяти потом как второстепенное, сопутствующее.

Вместе со всхрапом испуганных лошадей по полю разнесся удивленный возглас-вдох:

— Аэроплан!..

Не то его видели на той же картинке из журнала, что недавно — в дни войны с братьями-разбойниками — приносил мне Костька, не то на другой какой картинке, но он тут же был опознан.

— Аэроплан!.. Аэроплан!..

И все глаза — к нему. Еще бы! Насколько он выше змея! Больше змея... Да даже не это — человек на нем! Да, кто-то опередил нас с Костькой. Вон, крошечный, черный, виднеется, сидит между крыльями, ухватившись за что-то, поставив ноги на тонкую, какую-то игрушечную дощечку. Впереди, как мерцающий вентилятор, этот самый... пропеллер! Или, как у Цветочка, его вертушка... И кругом ничего, одно небо...

...Мы мчались за ним по полю, напрямик, не разбирая дороги — через кочки, канавы, по жнивью, по кустам... Мы молчали, чтобы не терять силы. Молчали, чтобы не отвлекаться, чтобы лучше рассмотреть его, пока он не скроется.

А он уже скрывался из глаз — из широко-темного переходил в две тоненькие параллельные черточки с темным шариком — живым шариком! — посередине...

Тяжело дыша, мы остановились. Улетел...

Мы оглянулись. Далеко позади было видно сборище около студенческого змея, и от него длинным треугольником, языком вытянулись по полю люди, побежавшие за аэропланом. Одни остановились раньше, другие позже. Мы с Костькой отмахали больше всех. Тут, на кончике «языка», были мы вдвоем да еще какой-то босоногий мальчишка в розовой без пояса рубашке, который остановился вместе с нами, шмыгнул носом и, повернувшись, так же ходко побежал обратно к змею.

— Вот это да! — еще не отдышавшись, сказал Костя, сказал третий раз за день. — Это «заводной змей». Помнишь, я приносил? Страничка «Сделай сам»... Вот кто-то и сделал. Но не игрушку, а прямо для человека! Как мы хотели... — Он вздохнул и повторил: — Как мы хотели...

Он стоял, смотрел исподлобья на горизонт, где лежало длинное, как ладья, синее облако, — не покажется ли это чудо опять?

И вдруг беспричинно рассмеялся.

— погоди! Чего хныкать-то! — воскликнул он. — Раз один такой есть, значит, и еще может быть! Может, уже и есть. И потом, там, на дощечке, ведь взрослый дядька сидел! Значит, это не игрушка, а по-настоящему сообразили. Значит, и ты можешь полететь, и я могу полететь, и все, кто хочет! Понимаешь?

От этих восхитительно неоспоримых «значит» глаза его засияли, и я понял, что Костька сделал важнейшее умозаключение-открытие и что этот аэроплан для Константина — а возможно, и для человечества — не будет последним...

ЭПИЛОГ

Так оно и было.

На следующий год попеременно со змеями Константин делал и модели аэропланов — делал по тем схемам, чертежам, которые он стал находить в детском журнале «Маяк». Еще через год он занялся только моделями и к чужим чертежам прибавлял что-то свое...

По окончании реального училища он — уже в советское время — поступил в авиационную школу. Все шло, как должно было идти, ибо путь был начат давно: от «опытного», от Стаканчика, от трехдольного змея-паруса — от приверженности к этому.

Я встретил Константина через тридцать лет и нашел то, что думал, что должен был найти. Он прошел много по своему пути, но все еще находился в дороге, так как поискам нет конца, так как страсть неизбывна.

Да, мы встретились через тридцать лет.

Бывает как во сне. Снится классная комната, учитель распускает на каникулы; сложены в ранцы книги, открыта дверь; сейчас бегом в раздевалку... И не то удивительно, что взрослый, давно взрослый человек видит это во сне, а то, что все он во сне и ч у в с т в у е т: чувствует необыкновенный, ни с чем не сравнимый запах ранца, покрытого короткой блестящей шерстью; чувствует в ногах какой-то озноб-ожидание, какую-то подсказывающую пружину, отчего ноги побегут в раздевалку с раскатом по полу, с подскоками...

Так и мы встретились после Отечественной войны.

Передо мной стоял летчик, конструктор, испытатель; все это пришло к нему, и, судя по тому, что я знал о Константине, и не могло не прийти. Стоял плотный, статный, с важными орденами на груди дядя, а я не только увидел в нем мальчика с Николо-Завальской улицы, но и вдруг почувствовал кислый запах клея, которым мы клеили наших бумажных летунов; почувствовал в руке нитку от запускаемого нами змея; почувствовал свист ветра в ушах, когда мы бежали по полю за исчезающим чудом — две черточки с шариком посередине...

После нашего совместного полета на открытой машине — о чем речь была в самом начале повести, — когда Константин Иванович вокруг какого-то бумажного летуна сделал «круг почета», прошло несколько дней. Мы шли с ним по Малой Ордынке.

Московская весна была в разгаре. В других, затененных переулках еще долеживал снег, стояла вода, а на южной, просвечиваемой из конца в конец полуденным солнцем Малой Ордынке было уже сухо. Недалеко от Дома Островского мы заметили на мостовой двух пяти-шестилетних мальчиков. Один из них держал в руке нитку, и оба они, щурясь на солнце, загораживая его ладошками, смотрели ввысь.

Знакомая картина!

Не сговариваясь, мы с Константином Ивановичем приостановились и тоже подняли головы, однако, сколько ни вглядывались, змея не нашли... Неужели так высоко?

Но чуть отойдя в сторону, в тень дома, мы увидели, что змея и нет — в воздухе летает

одна нитка. Шелковая или вискозная, она, легкая, поднялась на весеннем ветерке до высоты второго этажа. Для этих, шестилетних, и то было хорошо. Но странное дело, остановились и мы и тоже глядели, как кончик нежной, легкой нити вился, держался в воздухе.

Это рассмешило нас, и мы признались друг другу, что до сих пор не можем пропустить ни одного змея — стоим, смотрим. Наверно, есть какое-то шестое чувство — чувство воздуха, для которого одинаково, что реактивный самолет, что летающая нитка.

*Подлинки — Фирсановка — Москва.
1954—1956 годы*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогие ребята!

Вот вы и прочли повесть «Лето летающих». Конечно, вам, свидетелям полета космических кораблей, не в диковинку аэроплан, за которым гнались, увидев его впервые в небе, герои повести Костя и Миша. Даже когда над вами проносится реактивный самолет, вы не всегда обращаете на него внимание. Но от этого повесть «Лето летающих» не становится менее интересной. Ведь она переносит вас в мир детства, но только не современников, а тех, кому было двенадцать почти семьдесят лет назад. А разве неинтересно узнать, какими были тогда ребята, чем интересовались, как жили?..

Повесть «Лето летающих» — это повесть о пылкости ума, о детской любознательности, которая перерастает в настойчивое призвание, в дело всей жизни. Вспомните Костю. Ведь он не просто запускал змея, как другие мальчишки, не просто гонял с ним по пыльным улицам городка, он ставил «опыты», все время думал, что нужно изменить в змее, чтобы он летал выше, как его усовершенствовать. Так был запущен оранжевый «опытный» с деревянной фигуркой капитана Стаканчика; мальчики готовили к полету Кутьку. Костя мечтал подняться над землей на змее собственной конструкции. И не удивительно, что он осуществил свою мечту: стал летчиком, конструктором самолетов.

Автор этой повести Николай Яковлевич Москвин родился в Туле в семье химика-фармацевта в 1900 году, провел там свое детство, и несомненно, что впечатления этих лет легли в основу повести. Как живые предстают перед вами Миша и Костя, «братья-разбойники», Аленка-Цветочек... Присмотритесь к Ефиму Степановичу, гордому, независимому рабочему человеку, мастеру на все руки. А как описаны змеи, каждый со своим характером! Вы видите провинциальный городок, его жителей. Всего несколькими деталями, но выразительными, точными описывает автор городок и время детства Миши и Кости. Это были предреволюционные, тревожные годы. И жизнь может показаться тихой и сонной только пона-

чалу. Костиного отца, оружейного мастера, уволили с работы, на окраине городка студенты запустили огромного змея с написанными на нем знаменитыми пушкинскими строками: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья. »; пристав приезжает на место происшествия, чтобы пресечь это свободомыслие: «Снять! Убрать! Исчезнуть!» Вспомните все это, и вы поймете, что благодаря писателю вы становитесь как бы свидетелями жизни в эти предгрозовые годы. В том и заключается ценность талантливого произведения, что по отдельным штрихам, деталям, читатель может представить себе время, эпоху. Большой художник, известный писатель Константин Георгиевич Паустовский писал Н. Я. Москвину в новогодней телеграмме: «Поздравляю с Новым годом, но еще больше с новой, великолепной, совершенно классической книгой. Много лет я не испытывал такой радости. Спасибо! Обнимаю Вас. Паустовский». А книга эта была повесть «Лето летающих».

Николай Яковлевич Москвин написал много повестей и рассказов. Печататься он начал, когда ему было 23 года (военные корреспонденции в газете «Правда»). Через год были опубликованы два первых рассказа Н. Москвина: «Головка шрапнели» и «Свободный полет». К этому времени Николай Яковлевич был уже военным инженером, прошел фронты гражданской войны.

Поняв, что литература — его призвание, окончил Высший государственный литературный институт им. В. Брюсова. Во время Великой Отечественной войны Н. Я. Москвин работал в Совинформбюро. Умер в 1968 году.

Когда вы станете взрослыми, то прочтете книги: «Конец старой школы», «Маска», «След человека», «Два долгих дня», «Одиноким поиск», сборники рассказов «Встреча желаний», «Чистые пруды».

Все творчество Москвина проникнуто гуманизмом, утверждением коммунистической морали. Умный, требовательный взгляд на жизнь, доброта и скромность являются отличительной чертой творчества и личности Николая Яковлевича Москвина. Запомните имя этого замечательного писателя!

И. Пахомова

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Змеевики и голубятники	5
2. Графин Стаканыч . . .	7
3. Кресло-жаба . . .	10
4. «Приходите завтра...»	14
5. Как голубь	16
6. Полет	21
7. Размышление на заборе	25
8. Квадрат и ромб . . .	30
9. Опыты	36
10. Братья-разбойники .	40
11. В чужих руках. Находка	44
12. Брожение умов . . .	48
13. Дым, как надежда . .	52
14. Борода. Столовый нож .	59
15. Опять Цветочек. Похожие слова	65
16. Разрыв	73
17. Локон, золото, книги и неизвестно	76
18. Вечером того же дня .	83
19. Наконец-то!	88
20. Чемпион Швеции .	93
21. Продолжение опытов	100
22. «Наших быют!» . . .	106
23. Трехдольная дощечка	112
24. «Вот это да!»	118
25. «Вот это да!» (Продолжение)	123
26. «Вот это да!» (Окончание) .	133
Эпитог .	138
И. Пахомова. Послесловие	141

К читателям

**Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.**

*

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Николай Яковлевич Москвин

ЛЕТО ЛЕТАЮЩИХ

П о в е с т ь

ИБ № 7946

Ответственный редактор *И В Пахомова*

Художественный редактор *Р М Калиновская*

Технический редактор *И П Савенкова*

Корректоры *И В Козлова и Л М Шильман*

Сдано в набор 13.12.84. Подписано к печати 18.03.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт
литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл.
кр. отт. 8,3. Уч. изд. л. 5,5. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 148. Цена 35 коп.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы наро-
дов издательство «Детская литература» Государствен-
ного комитета РСФСР по делам издательства, полигра-
фии и книжной торговли. 103720 Москва, Центр
М. Черкасский пер. 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская
книга» № 1 Рославльполиграфпрома Государственного
комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. 127018 Москва, Сущевский
вост. 49.

Отпечатано с фотополитиммерных форм «Цетлофот»